

Что такое социализм и коммунизм на самом деле?

Современные глобальные проблемы человечества. История распорядилась так, что именно в наши дни проблемы, связанные с взаимодействием и отношениями «человек-природа» и «человек-человек», по своей значимости постепенно начинают перекрывать экономические заботы, политические хлопоты и теоретические словопрения. Они "сцепились друг с другом... становятся все сложнее, сплетение их все запутаннее, а их «щупальцы» с возрастающей силой сжимают в своих тисках планету", — писал первый президент Римского клуба А. Печчеи. Природопреобразующая деятельность человека ведет к разрыву естественных циклов воспроизводства биологических ресурсов, самоочищения почвы, вод, атмосферы — стремительному ухудшению общей экологической обстановки, что может повлечь за собой скоротечную гибель населения планеты. О грядущих деструктивных процессах говорят достаточно давно. Приводится множество злобещих фактов, цифр и оценок. Не говорят, а уже кричат об уменьшении количества кислорода в атмосфере, нарастании парникового эффекта, расползании озоновых дыр, безостановочном загрязнении природных вод и истощении почвы. Не менее тревожны все нарастающие предупреждения биологов, генетиков, медиков, светских и религиозных деятелей о том, что мы стоим перед опасностью разрушения человечества как вида, деформации его телесных и духовных основ. Повсеместно фиксируется ослабление иммунного аппарата человека под воздействием веществ, враждебных жизни, многочисленных социальных и личных стрессов. Леденящее слово СПИД и другие, трудно излечимые заболевания, все чаще вторгаются в человеческую жизнь. Некоторые исследователи полагают, что это не просто болезни, а закономерный этап в биологическом существовании рода людей, который связан с необузданным и массовым их вторжением в природные основы своего бытия. Океан химических веществ, в который ныне погружена наша повседневная жизнь, резкие изменения в по-

литике и зигзаги в экономике — все это действует на нервную систему, воспроизводительные способности и соматические проявления миллионов людей. Становится все более очевидным, что экологический кризис наших дней — не временное затруднение, не досадное препятствие, которое можно легко отодвинуть. Это сотрясение глубинных основ человеческого бытия, эрозия и разрушение экологической ниши нашего существования. При этом "беззащитная, мечущаяся, хромающая человеческая мысль во многих случаях оказывается неспособной охватить настоящее, зрело оценить прошлое и хотя бы как-то предвидеть будущее", — справедливо замечают философы¹.

Неконтролируемый рост населения, происходящий главным образом в развивающихся странах, подрывает ресурсную базу, стремительно приближая нас к максимально допустимым нагрузкам на природную среду, повышение порогового уровня которых повлечет за собой ее разрушение. Биосфера планеты уже пришла в состояние неравновесия, и эта ее нестабильность все более и более усугубляется. Но как восстановить паритет общества и биосферы, соотнести экологические, технологические, социальные программы, дабы гармонизировать их в целостное единство, как утвердить мир и спокойствие на планете, в каждой стране, как умерить и вовсе снять социальную напряженность? Ясно, что людям Земли придется уменьшить свои потребительские аппетиты. Но как всего этого добиться? Как предусмотреть систему назревающих противоречий, возможные конфликты, появляющиеся препятствия? Этого в полном объеме, конечно, никто не знает.

Характеризуя глобальную ситуацию, следует сказать, что человечество, будучи сущностно единым, вместе с тем представлено неисчерпаемым многообразием динамичных социокультурных форм. Еще недавно мы жили в «двухполюсном» мире. В социально-экономическом и идейно-политическом отношении противостояли друг другу страны развитого рыночного хозяйства и страны плановой экономики. Кроме того, значительная часть населения Земли подпадала под расплывчатую характеристику — «третий мир». Глубокие изменения, произошедшие в нашем Отечестве, резко и неожиданно нару-

шили всю панораму мирового сообщества. Возникло противостояние, которое условно можно обозначить «Север-Юг». С одной стороны, относительно небольшая группа высокоразвитых стран с устойчивой политической системой, осваивающих новейшие информационные технологии, с высоким уровнем благосостояния, а с другой — основная масса, живущая в рамках индустриального, а то и прединдустриального производства. Здесь массовая бедность, бурный рост народонаселения, нестабильность внутренней жизни.

На конференции ООН, посвященной окружающей среде и перспективам мирового развития (*июнь 1992 г.*), тогдашний премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брундланд заявила следующее: "Человеческая история достигла водораздела, за которым изменение политики становится неизбежным. Более миллиарда человек, не могущих удовлетворить основные потребности, наши собственные дети и внуки и сама планета Земля требуют революции. Она грядет. Мы знаем, что у нас есть возможность предотвратить опасность, хаос и конфликты, которые в противном случае неизбежны". Что и говорить, слова суровые и правдивые. "Однако проходят годы, а ничего существенного не происходит. Гневные предупреждения, тревожные прогнозы, — пишет В. Давидович, — еще не вывели основную массу политиков, да и рядовых людей из состояния, которое можно было бы назвать метким русским словом «авось». Авось пронесет, рассосутся сами по себе беды и печали, не грянет гром. Но надо смотреть правде в глаза. Уже определились те тенденции, которые порождают тревогу. Не случайно пестрые концепции глобального развития подчас характеризуются как поиск «стратегии выживания». Речь уже пошла не о том, как «жить», а о том, как «выжить», и это не может не вызывать глубокой озабоченности у всех мыслящих людей"².

За всю свою историю человечество никогда не было столь могущественно, как сегодня, однако и никогда не было так близко к гибели, к самоуничтожению. В. Вернадский в 1922 г. писал: "Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Сумеет ли че-

людей воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?" К сожалению, на этот вопрос приходится давать скорее отрицательный ответ. Сейчас вроде бы уменьшилась опасность прямого военного столкновения ядерных сверхдержав, но при этом не исчезла угроза слепой технологической случайности. Моделирования климатических и иных последствий ядерной катастрофы, осуществленные независимо отечественными и зарубежными учеными, привели к однозначным выводам: пережить этот кошмар не будет дано никому, где бы он ни жил: в Америке, в Европе или на Южном полюсе. Оказавшись у запретной черты, перед реальностью гибели всего живого, человечество потеряло право на дальнейшее развитие методом проб, на ошибки, каждая из которых может стать последней. Вот почему чрезвычайно актуальной становится задача и человеческая мысль, обращенная к проблемам общественного развития.

Сейчас нет надежных социальных теорий и философско-антропологических концепций, в рамках которых можно было бы более или менее определенно охарактеризовать наше «сегодня» и тем более — «завтра». Динамика же резких глобальных исторических сдвигов приводит подчас к потере ориентации, краху святынь, духовному опустошению. Страх, тревога и беспокойство пронизывают все пласты человеческого существования. Производство вдохновляющих символов и призывов как-то споткнулось и захлебнулось. Иногда говорят, что к нам из прошлых столетий пришли две идеи, достойные быть названными идеями века. Одна — социалистическая, другая — научно-технологическая. Считалось, что, опираясь на эти идеи, люди Земли построят справедливое общество, обретут полноту жизни, утвердят свободу и достоинство личности. Однако и та, и другая идеи натолкнулись на границы, поставленные биосферными глобальными возможностями человеческого бытия. Исконная мечта людей об обществе справедливости, реального социального равенства, высокого человеческого достоинства, удовлетворения всех запросов — духовных и материальных, несмотря на все благород-

ство, оказалась внутренне уязвима, ибо девиз коммунизма — «каждому по потребности» — не смог опереться на реалии жизни. То же относится и к технократическому оптимизму, к идее о величии технического прогресса. Неопределенность и альтернативность исторического развития человечества поставили его перед выбором, принудив оглядеться и задуматься над тем, что же происходит в мире. Трагизм ситуации заключается в том, что люди, зная о возможных последствиях для человеческой цивилизации существующих форм общения, традиционной техники и технологий производства, не знают значений пороговых пределов экологически необратимых биосферных процессов (*не знают в настоящее время достаточных условий сохранения приемлемых для жизни людей параметров биосферы*). Более того, при "нынешних приоритетах в политике, экономике, области образования, развития техники и технологий, при сохранении существующей системы нравов и моральных принципов их сформулировать просто невозможно"³. А между тем, выбор альтернатив дальнейшего развития весьма ограничен. Стратегия борьбы за выживание, считают специалисты, должна отвергнуть ныне широко распространенное опасное заблуждение, что простое проведение природоохранных мероприятий, повышение экологического образования населения, дальнейшее развитие науки, техники и технологий гарантирует будущее человечества без кардинальной переориентации вектора движения техногенной цивилизации. "Такой ход рассуждений, — писал Н. Моисеев, — порождает благостные иллюзии у политиков и общественности, уводит их от поиска действительно настоятельных и практически реализуемых решений"⁴. Без изменения доминанты миропонимания и вытекающей из нее направленности деятельности человека дальнейшее его существование весьма проблематично. В этой ситуации проблемы мировоззренческой ориентации человека, осознание им своего места и роли в обществе, цели и смысла социальной и личной активности, предельно высокая ответственность за свои поступки и выбор форм и направлений своей деятельности становятся жизненно необходимыми. Осмыслить и понять их, а, следовательно, открыть путь к решению

столь сложных задач невозможно без философии, без целостного и обобщающего взгляда на мир, всего комплекса проблем взаимодействия «человек-природа» и «человек-человек» на ближайшую и отдаленную перспективу. Актуальность этой проблемы — проблемы социального предвидения и прогнозирования — значительно усиливается в наши дни в связи с объективным процессом ускорения ритма истории.

О неопределенности определения понятия «социализм». В 1989 г. *(по мерке истории совсем недавно)* американский политолог Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?», а затем и книге «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1992 г. *(вызвавших, особенно в России, широкие отклики)*, утверждал, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив, что наступает конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Начинается планетарное существование человечества, полагает он, на основе западных ценностей, когда регионы планеты начнут переструктурироваться, ориентируясь на мощные экономические ядра-центры. История, заключает он, закончилась не пролетарской революцией, а триумфом либеральной демократии и рыночной экономики. Представление об остановке *(на каком-то этапе)* исторического развития человечества *(установление окончательной формы его социальной организации)* иначе как несостоятельным заблуждением не назовешь.

Нынешнее состояние мировой капиталистической системы с ее либеральной формой правления характеризуется как кризис *(являющийся, безусловно, глобальным, лежащим не только в плоскости отношений «человек-человек», но более в плоскости отношений «человек-природа»)*. Некоторые политические деятели *(и не только)* цитируют К. Маркса и готовятся к социальным потрясениям. Ведущие аналитики и финансисты уверены, что не за горами тот день, когда «призрак коммунизма» явится на Уолл-стрит, а капиталистический строй уйдет на покой, уступив место социализму. Вполне понятно, что такое мнение возникло не на пустом месте. И, тем не менее, суще-

ствуется точка зрения, что полотно представлений о социализме, как и о будущем моменте его явления соткано из неопределенностей.

Поверхностный взгляд выделяет множество моделей социализма: государственный, демократический, самоуправленческий, кооперативный и даже христианский социализм (*направление социальной мысли, стремящееся совместить положения христианства с идеями социализма*). Какая из них соответствует тому, что можно назвать социализмом? Некоторые современные исследователи настаивают на том, что нет необходимости в определении социализма. Здесь, якобы, все очевидно и ясно (*вполне достаточно, по их мнению, интуитивного представления о нем*). Согласиться с подобным мнением никак нельзя. Исторический процесс не может быть представлен как прямое восхождение от варварства к цивилизации. Траектория кривой, абстрактно отображающей историческую перспективу, формируется двумя переменными: переменной взаимодействия и отношений «человек-природа» (*которая абсолютно не учитывается исследователями*) и переменной взаимодействия и отношений «человек-человек». Эта особенность развития может быть представлена в виде наглядного образа раскручивающейся спирали, где каждый новый виток (*как бы*) повторяет предыдущий, но на более высокой ступени и интуитивного представления о таком процессе явно недостаточно. Напомним также и о том, что каждому способу производства присуща собственная, исторически обусловленная основа, которая определяет социальные, политические и духовные процессы жизни. Важнейшим признаком капитализма, например, является абсолютный закон (*цель и побудительный мотив*), характеризующий сущность капиталистического производства, "получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т.е. накопление"⁵. А что может определять сущность переходного периода из "царства необходимости в царство свободы"? Какие специфические черты характерны для него?

Первые зачатки идей о социализме принято усматривать у социалистов-утопистов Т. Мора и Т. Кампанеллы (*хотя проекты совершенного общественного уклада существовали во все времена, начиная с античности*). Разви-

тие социалистических учений связано с именами К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна (*сам термин «социализм» появился в первой половине XIX в. как достаточно нестрогое понятие*). Они отмечали царящую при капитализме анархию производства, антагонистичность интересов в обществе, моральное разложение господствующих классов и растлевающее воздействие порождаемых ценностей на личность. В 1848 году Маркс и Энгельс издают «Манифест коммунистической партии», где излагают свои взгляды относительно ниспровержения господства буржуазии, после чего, по их мнению, будет образована ассоциация индивидов, "в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех". Надо сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс занимались конкретным исследованием и теоретическим анализом исторических данных, не придумывали никаких осчастливливающих человечество систем и весьма осторожно высказывались по поводу проектов будущего. Они ограничивались, по словам В. Ленина, "самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй"⁶. Во многих случаях К. Маркс, например, предпочитал говорить об исторической неизбежности более высокой общественной формации, характеризуя ее как сознательную и планомерную организацию производителей⁷, а то и просто как общество производителей, противопоставляемое частнособственническим производственным отношениям⁸. В. Ленин, которого трудно упрекнуть в незнании состояния рассматриваемой проблемы, также считал, что конкретная характеристика социалистического общества может быть дана только на основе исторического опыта его построения. Уже после Октябрьской революции, при обсуждении в марте 1918 года проекта новой Программы партии, он выступил против предложения включить в нее детальную характеристику социализма в «развернутом виде»: "Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем... Нет еще для характеристики социализма материалов"⁹. К сожалению, с тех пор ничего не изменилось в понимании существа проблемы. Мно-

гие «очевидные» понятия все также туманны, несмотря на то, что долгие годы пытались их прояснить с «научных позиций». Современные дискуссии о социализме весьма поверхностны (*чаще всего сводятся к рассмотрению достоинств и недостатков либо государственного, планового управления, основанного на общественной собственности, либо рыночного, с элементами частной собственности*) и отличаются большим разбросом мнений. Нередко встречаются суждения об исторической «ошибочности» социализма (*как теории, так и практики*) и возможности исправления этой «ошибки» посредством простого разрыва с прошлым и волевого выбора для себя какого-то более привлекательного будущего. Маркс в свое время дал научный и детальный анализ становления капиталистического способа производства. При этом он отмечал: "Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетии, тем не менее, начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию"¹⁰. Как видно, и капитализм начинался не в раз. Для глубоких теоретических обобщений, как известно, нужно длительное время. В конечном счете возникает вопрос: что такое социализм, и возможен ли он, а равно и коммунизм, как реальность? Ответ на него требует серьезного обобщения и определения (*заметим, что представление, как форма сознания и определение, как форма научного знания — суть разные уровни постижения сущности*). Без определения, как справедливо отмечают исследователи, исчезает сам предмет рассмотрения. Заметим также, что должное понимание части (*момента перехода к будущему состоянию*), как известно, требует знания целого (*объективного устройства мира и его развития*), проявлением которого эта часть является.

В XIX-XX веке сложились два концептуальных подхода к анализу исторического процесса. С одной стороны, линейные теории, которые заключаются во взгляде на всемирную историю как на единый процесс поступательного восходящего развития человечества (*в их рамках появились системы взглядов «исторических» и «неисторических» народов; закон «трех ста-*

дий развития нравственности» — Гегель; закон «трех стадий эволюции мысли» — Конт; теория «общественно-экономических формаций» — Маркс). С другой, нелинейные теории, отрицающие существование единой цивилизации и признающие реальным субъектом исторического процесса отдельные «культурно-исторические типы» (в них утверждается, что история человечества — это история замкнутых национальных культур, каждая из которых, подобно живому организму, проходит этапы «восхождения и расцвета», «разложения и гибели»). Кроме них, существуют взгляды мыслителей, которые (в разной степени) отрицают единство исторического процесса (как качественно определенное состояние), наличие в нем универсальных законов, а вместе с тем и существование какого-либо смысла в истории (этот вопрос они считают не научной проблемой, а предметом веры). Конечно, такие суждения имеют некоторое основание. Природу человека обычно сводят к сознательности, разумности, к творчеству, к целесообразности, к целеустремленности, к предметной деятельности, и т.д. Короче говоря, люди поступают обдуманно или под влиянием страсти и стремятся к определенным целям¹¹. В этой связи возникает вопрос об объективности исторического процесса. Если история состоит из осознанных действий людей, то и суждения об объективных законах истории (не зависящих от их воли и сознания) не имеют никаких основ. И, тем не менее, существует объективная логика истории (скрытая за мозаикой осознанных действий человека). Гегель, например, усматривал ее в воплощении разума. Он писал: "Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно"¹². Но если для Гегеля эта логика основывается на развертывании разума, то Энгельс усматривает ее в иных детерминантах исторического процесса, в законе общественной жизни (основанном на материалистическом ее понимании). Действительно, в истории общества действуют люди, наделенные сознанием, поступающие разумно и стремящиеся к определенным целям. "Но как ни важно это различие для исторического исследования — особенно отдельных эпох и событий — они нисколько не изменяют того факта,

что ход истории подчиняется внутренним общим законам"¹³. В свое время Лев Толстой, размышляя над историей, писал, что люди не столько творят ее, сколько похожи на ребенка, дергающего шнурок в карете и воображающего себя кучером. История, считал он, совершается не на уровне наших суетливых телодвижений, а разворачивается медленно и неуклонно в потаенных глубинах бытия. Трудно не согласиться с его мнением. Ход истории определяют не наши желания, а отношения «человек-природа», которые, в свою очередь, определяют и отношения «человек-человек». Конечно, предвидение социального будущего, даже если оно основано на научной методологии, всегда гипотетично, и лишь будущий ход событий, т.е. общественно-историческая практика, определит меру его истинности. И тем не менее, одной из важнейших функций любой научной теории является предсказательная (*свидетельствующая о степени ее зрелости*), которая заключается в изучении объективных условий и логическом выведении следствий, описывающих еще не свершившиеся события. Напомним также о том, что будущее человечества всегда было значительной мировоззренческой проблемой, а социальный прогноз всегда выступал как мысленная модель предстоящего развития (*как его философское осмысление*).

Проблемные положения теории социализма. Термин «социализм» впервые был употреблен в 1834 году П. Леру и в общем обозначал нечто противоположное индивидуализму во всех его проявлениях в социальной жизни человека. В дальнейшем под этим названием обобщались тогдашние учения о необходимости общественного преобразования. В этой связи указывалось на неопределенность термина, считалось нужным дать ему научное определение¹⁴. В литературе не раз делались попытки классифицировать социалистические теории по их внутренним основаниям, однако до сих пор не существует общепризнанной классификации. Чаще всего под социализмом понималась совокупность разных учений, проповедующих радикальное изменение хозяйственного правопорядка, признание необходимости общего владения орудиями производства и планомерного коллективистского способа

производства. Но чем дальше шло развитие учения о социализме, тем сильнее обнаруживалось у его приверженцев стремление превратить положения о социализме в науку. Отвергнув утопические конструкции о будущем общественном устройстве, Маркс рассматривает его в связи с историей общества, с исторической необходимостью лучшего социального строя, который он понимал как продукт реальных социальных отношений.

Весь свой интеллектуальный пафос Маркс и Энгельс направили на исследование проблем в плоскости отношений «человек-человек» и практически не уделили внимание отношениям «человек-природа», хотя и осознавали немалое значение последних. Это, как представляется, и является основной причиной противоречивых положений в теории социализма.

Начать, по-видимому, надо с главного. Маркс и Энгельс понимали общественное развитие как естественноисторический процесс, столь же закономерный, необходимый и объективный, как и природный, не только не зависящий от воли и сознания людей, но и определяющий их волю. И, тем не менее, в работе «Анти-Дюринг» Энгельс писал: "Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами... Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг"¹⁵ (*это и есть "скачек человечества из царства необходимости в царство свободы"*). Этот тезис вызывает большое сомнение в своей реальности (*позиция, согласно которой всеми важнейшими явлениями все усложняющегося миропорядка, можно овладеть в*

полной мере принадлежит к числу так называемых «заблуждений конструктивизма»). Системная организация воспроизводства непосредственной жизни при целостном ее рассмотрении — проблема сверхвысокого порядка сложности. "Параметры таких систем, — замечают специалисты, — невозможно исчерпывающим образом исследовать экспериментально, системы такого уровня сложности не могут быть описаны сколь-нибудь полно теоретически, не могут быть представлены математическими моделями без сильных упрощений"¹⁶. Философски теории о направлении развития общества и идеи общественного прогресса разрабатывались и получили широкое признание еще у просветителей XVII-XVIII веков, которые верили, что в результате совершенствования разума наступит время, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми. Дальнейший ход событий показал, что человечество пришло не в «царство разума», а в мир нескончаемых социальных антагонизмов и бедствий. Вера просвещенческих умов в прогресс общественного разума как непрерывно восходящее движение вперед была разбита жестокой практикой капиталистической действительности, положившей начало поиску идеалов вне буржуазного общества, на путях его критики и отрицания.

"В общественном производстве своей жизни, — писал Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил"¹⁷. Но если представить, что ассоциированные производители будут способны понять природу развития этих общественных сил и подчинить их своему разуму, то получится, что исторический процесс будет подчинен воли и сознанию людей. Тогда возникает вопрос о его объективности. Конечно, классики марксизма к движущим силам истории относили движение больших масс людей и целых народов, рассматривали целеполагающую деятельность человека как форму объективного процесса наряду с природой. Однако при этом конечный ре-

зультат их действий они определяли "как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*"¹⁸.

В этой связи следует сказать о том, что на капиталистическом этапе общественно-исторического развития субъектом общественных отношений становится капитал, а не человек (*капиталист или рабочий*). Согласно взглядам Маркса¹⁹, капиталист не является ни архитектором, ни контролером, ни полномочным регулировщиком (*т.е. субъектом*) общественного труда в целом. Он подчинен автоматически и стихийно действующему механизму самодвижущейся стоимости (*являясь по сути лишь одушевленным носителем самовозрастающей стоимости*²⁰). Он лишь представитель, агент капитала, персонифицированный функционер факторов капиталистического процесса производства, где каждому капиталисту навязываются законы этого способа производства как внешние принудительные законы²¹, за рамки которых он не может выйти. Равно и рабочий не строит систему капиталистических производственных отношений как свою сознательно желаемую цель. Наоборот, система этих отношений базируется на роли работника в качестве объекта эксплуатации, как подчиненного капиталу средства для добывания прибавочной стоимости. Капитал низводит работника до роли рабочей силы, лишенной всех своих материальных, вещественных условий труда, превращает рабочего в фактор движения самовозрастающей стоимости вместо роли субъекта. Из субъекта он превращается в объект. Конечно, Маркс в других смыслах и значениях употребляет термин «субъект» применительно и к капиталисту, и к рабочему. "Однако, как только он излагает вопрос о господстве капиталистических общественных отношений по труду над людьми, он отмечает, что принципиально неверно и ошибочно считать человека субъектом капиталистических производственных отношений, т.е. считать капиталистические отношения контролируемыми, регулируемыми и направляемыми в определенном нужном русле со стороны человека, особенно со стороны рабочих. Здесь для роли человека Маркс употребляет термины только «объекта», «винтика», «агента» и т.п. капиталистических отношений, специально

подчеркивая переворачивание роли субъектно-объектной зависимости между человеком и производственными отношениями при капитализме"²². Как указывает Маркс, здесь "отношения между субъектом и объектом выворачиваются наизнанку"²³.

Данное положение побуждает глубоко усомниться в утверждении о главенствующей роли противоречия между пролетариатом и буржуазией при переходе от капитализма к новому способу производства (*как это общепринято полагать в обществоведческой литературе*). Предел капиталистического производства, по мнению Маркса и Энгельса, вытекает из внутренних противоречий его развития (*что не вызывает никакого сомнения*) и сводится в конечном счете к несовместимости общественного характера производства с его капиталистической экономической оболочкой, капиталистической формой присвоения, которая "выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией"²⁴. Последнее, как представляется, требует существенного уточнения. Коль скоро субъектом общественной связи, стихийно и автоматически действующим, господствующим началом в капиталистическом производстве является капитал, самовозрастание, увеличение стоимости, а не человек, капиталист или рабочий, то и главенствующая роль при переходе к новой ступени должна принадлежать самому капиталу. "*Настоящий предел капиталистического производства, — писал тот же Маркс, — это сам капитал...*"²⁵. "Средство, — поясняет он, — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала"²⁶.

Далее (*в той же работе*) Энгельс пишет: "Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения... будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств произ-

водства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению"²⁷. Маркс (в работе «Критика Готской программы») при характеристике коммунизма тоже говорит о постоянно ускоряющемся развитии производительных сил, которые обеспечат создание изобилия ("и все источники общественного богатства польются полным потоком"²⁸). Этот тезис также вызывает большое сомнение. Во-первых, (по современным оценкам) если стандарт потребления населения нашей планеты довести хотя бы до уровня развитых стран (США, Канады, некоторых государств Евросоюза, Японии), то основных ресурсов Земли хватит всего на несколько десятков лет. Конечно, существуют и иные мнения. Так С. Капица на основе разработанной им математической модели мирового демографического развития предсказывает, что в ближайшем будущем население Земли перестанет расти, остановившись на численности около 14 млрд. человек. А по утверждениям экспертов Международной организации питания, сообщает он, в настоящее время на планете есть и в обозримом будущем останется достаточно резервов для пропитания 20-25 млрд. человек. Такая оценка безосновательно оптимистична. Сможет ли биосфера Земли выдержать подобную демографическую нагрузку, коль скоро она с трудом обеспечивает более или менее устойчивые условия жизни в настоящее время (при численности населения планеты Земля в 7 млрд. человек)? На что может рассчитывать человечество в случае удвоения населения планеты? Во-вторых, при взгляде на современное «общество потребления» становится ясно, что ставка на изобилие (при любой форме объединения людей) — это своего рода мираж, отступающий при приближении к нему, социологическая фикция, потому что потребности людей развиваются вместе с ростом производства всевозможных благ и этому процессу не видно конца.

Социализм, по В. Ленину, "...есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм

есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией"²⁹. При этом развитие производства, а также способ распределения предполагает обеспечение "*полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества"³⁰. "Распределение, — писал Ф. Энгельс, — поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности"³¹.

Всеобщая признанность данного положения не означает его справедливость во всех своих пунктах. Неясно, например, что может заставить людей при их полном благосостоянии следовать трудной задаче всестороннего развития? Фромм был, безусловно, прав, когда обозначил проблему: иметь или быть? Культура «иметь», согласно ему, опирается на одни потенции человека, а культура «быть» — на другие. Не может человек стать универсальным и всесторонне развитым индивидом на основе культуры «иметь», равно, как и не может стать им на основе отрицания "*всего мира культуры и цивилизации*", возврата "*к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека*"³². Так как же быть?

Свои представления об обществе будущего (*как условия его становления*) Маркс связывал с преодолением отчуждения труда, порождаемого, по его мнению, общественным разделением труда (*отделением работников от творческого труда и сведения их труда к репродуктивному*), а также отделением работников от собственности. "Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род...*"³³. Иначе говоря, отчужденный труд человека разрывает органические связи его с природой, делая целью индивидуальную его жизнь, а не родовую. Это означает, что потребность в физическом существовании становится главной целью че-

ловека, а самореализация его личности в большинстве случаев ограничивается сферой потребления. Удовлетворение такой потребности связано с разрушением и природной среды, и общественной природы человека. Но ведь нельзя оспорить и то, что разделение труда и отделение работников от собственности (*появление частной собственности*) является следствием развития производительных сил. Именно производительные силы как искусственное образование как бы «встают» между природой и человеком, отчуждая его от нее, а также людей друг от друга. В Приложении к «Смыслу истории» Н. Бердяев писал: "Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинить себе природу"³⁴.

Высказанные замечания отнюдь не означают неприятие автором этой работы концепции коммунизма. "Все миропонимание... Маркса, — писал Энгельс, — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования"³⁵, который в общем виде был сформулирован еще в «Немецкой идеологии»: "Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, — считали Маркс и Энгельс, — не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние"³⁶. Что касается Ленина, то он писал: "Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни"³⁷.

Как, каким образом уровень развития производительных сил определяет структуру производственных отношений? Заметим, что этот вопрос никак не обоснован в положениях теории. Едва ли возможно при любых основаниях, характерных для культурно-исторических подходов, оспорить, что определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство непосредственной жизни.

"Согласно материалистическому пониманию истории, — писал Энгельс, — в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали..."³⁸. Чтобы творить историю, люди должны жить. В отличие от животных, удовлетворяющих свои потребности при помощи того, что непосредственно дала природа, человек своей деятельностью производит все, необходимое для жизни. "Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно, — писал Маркс. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни"³⁹. И первый исторический шаг человека — это труд, направленный на удовлетворение потребностей, точнее, деятельность, которая имеет две стороны: **производство** — отношение людей к природе, их воздействие на нее и **общение** — отношение людей друг к другу, в первую очередь в связи с производством.

Классическая политэкономия, как известно, исключала из рассмотрения природные ресурсы, считая их неисчерпаемыми, «бесплатными», не представляющими собой объекта экономической науки. И хотя довольно часто воспроизводилась фраза: "Труд — отец и активнейший принцип богатства, земля — его мать"⁴⁰, роль матери в исследованиях экономистов низводилась практически до нуля. Основоположники политэкономии полагали, что единственным источником богатства является труд (*природные ресурсы рассматривались ими как «подарок природы»*).

Так рассуждали многие мыслители того времени. Д. Риккардо, например, утверждал, что "ничего не платится за включение природных агентов, поскольку они неисчерпаемы и доступны всем". То же повторяет и Ж.Б. Сэй: "Природные богатства неисчерпаемы, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они не представляют собой объекта экономической науки". Эту же мысль повторяет и Л. Вальрас: "Вещи, которые, обладая полезностью, не являются дефицитными, не являются частью общественного богатства". Маркс

тоже считал, что "силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости"⁴¹. "Силы природы как таковые, — писал он, — ничего не стоят. Они не являются продуктом человеческого труда, не входя в процесс образования стоимости. Но их присвоение происходит лишь при посредстве машин, которые имеют стоимость, сами являются продуктом прошлого труда... Так как эти природные агенты ничего не стоят, то они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Они делают труд более производительным, не повышая стоимости продукта, не увеличивая стоимости товара"⁴². "Производительно эксплуатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т.д. В процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят"⁴³. Эта мысль повторяется Марксом множество раз, и надо сказать, что позиция, занятая им по этой проблеме, оказала большое влияние на воззрения многих обществоведов (*в том числе и современных*). Это, как представляется, и является причиной противоречивых положений в теории социализма. Получается так, что из рассмотрения деятельности людей, состоящей, как отмечалось, из отношения людей к природе, их воздействие на нее и отношения людей друг к другу, в первую очередь в связи с производством выпадает первая, основная и объективная составляющая. Отсюда и исходит начало недопонимания исторического процесса.

В советской науке, как известно (*на основе анализа произведений Маркса*), в качестве основы периодизации истории приняты производительные силы (*их развитие*), в соответствии с которыми строятся и производственные отношения. Это положение, признанное многими исследователями, требует некоторого уточнения. Во-первых, производительные силы, а равно и производственные отношения, являются производной величиной от деятельности людей. Критерий же выделения ступеней общественно-исторического развития должен быть первородным, а не производным от чего-либо. В противном

случае он теряет статус субстанциальности (*причину самой себя*). Некоторые современные философы считают, что категория «субстанция» имеет ныне сугубо архивное значение и интересна лишь историкам философской мысли. По нашему мнению, (*и не только*) отказ от категории «субстанция» ведет теорию на путь бессвязного эклектизма, формального объединения несоединимых взглядов и представляет, по выражению Маркса, "могилу науки".

В литературе отмечено: "Производительные силы играют эту роль (*роль определяющего фактора исторического процесса — авт.*) не только потому, что обеспечивают людям производство средств существования, но и потому, что они определяют характер материального отношения общества к природе, в соответствии с которыми строятся их *производственные отношения*"⁴⁴. К сожалению, дальнейшего развития этот важнейший тезис (*тезис о том, что производительные силы определяют характер материального отношения общества к природе*) так и не получил. Вопрос о том — как, каким образом развитие производительных сил влияет на структуру производственных отношений остается не ясным.

И, все-таки (*как бы то ни было*), Маркс и Энгельс рассматривали общество и природу как две стороны единой системы, эволюция взаимоотношений которых, постижение природы (*и возникающего при этом противоречия*) выступают основой исторического развития. "Природа и история, — считали они, — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя"⁴⁵. Указывая на важное значение природных условий, Маркс писал: "Всякая историография должна исходить из... природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории"⁴⁶. При этом он полагал, что активность общества, выражающаяся в его преобразовательной деятельности, выступает ведущей стороной процесса развития. "*Вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы человека"⁴⁷. Природа, согласно им, включается в историю людей, становится предметом историографии именно потому, что в процессе

производства человек преобразует наряду с природой и самого себя, всю совокупность общественных отношений, в конечном счете, общество. Разумеется, не просто природа, а материальное производство, превращение естественных комплексов природной среды в социальные влияют на развитие обществ.

Нет никакого сомнения в том, что активной стороной в процессе общественного развития выступает производственная деятельность людей. "Труд — отец и активнейший принцип богатства...". Однако, это всего лишь первая часть формулы У. Петти. А как проявляет себя вторая: "...земля — его мать"? В чем заключается суть ее исторического характера — характера природных условий, как объективных, от воли и сознания людей не зависящих?

"Природа, — считал Маркс, — есть *неорганическое тело* человека... в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело"⁴⁸. И как таковое — первое объективное условие труда. В обеспечение воспроизводства жизни (*кроме атмосферы*) природа выделила человеку всего три вида ресурса: плодородие земли (*в известной мере возобновляемый ресурс*), полезные ископаемые (*фактически невозполнимый ресурс*) и человеческий интеллект (*имеет свойство приумножаться в процессе употребления*). При этом важнейшим моментом для осмысления объективности исторического процесса является следующее: первый из них (*плодородие, поверхность земли*) нельзя обменять, а можно лишь распределить, второй (*полезные ископаемые*) — распределяется и обменивается, третий (*человеческий интеллект*) — нельзя распределить, а можно лишь обменять. "Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т.п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т.д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства"⁴⁹. В докапиталистическую эпоху ведущим ре-

сурсом в воспроизводстве жизни выступает плодородие земли. Капиталистический воспроизводственный процесс большей частью опирается на полезные ископаемые и природные энергетические ресурсы. В обществе будущего, по Марксу, "в качестве главной основы производства... выступает... развитие общественного индивида"⁵⁰, т.е. его интеллект. Какой из них занимает ведущую роль в воспроизводстве непосредственной жизни в конечном счете определяется процессом развития — процессом развития производительных сил. В свою очередь, та или иная природная основа в главном определяет системные свойства общественной организации — производственные отношения. "Всякое изменение производительных сил людей, — писал Маркс, — необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях"⁵¹, которые охватывают сферу производства общественного продукта, обмена и распределения материальных благ, составляют необходимую сторону любого способа производства. Характер же производственных отношений определяется формой собственности (*в том числе и на природный фактор*), которая, как известно, представляет собою не вещь, которой владеет человек, и не отношение человека к вещи, а объективно существующее социальное отношение между людьми в связи с производством. "На вопрос: что она такое? — можно было бы ответить, — считал Маркс, — только критическим анализом *«политической экономики»*, охватывающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их *реальной форме*, то есть как *производственных отношений*"⁵²

Докапиталистическая эпоха, например, хотя и демонстрирует нам разные состояния развития средств производства, однако при всех их изменениях ведущим ресурсом в воспроизводственном процессе остается поверхность (*плодородие*) земли, которую нельзя обменять, а можно лишь распределить. Именно это и определяет доминирование принципа распределения в общем объеме отношений, а вместе с тем, системные свойства общественной организации. По мере того, как происходит развитие производительных сил, а вместе с тем и изменение природной основы воспроизводства непосред-

ственной жизни, отношения «распределения» постепенно вытесняются отношениями «обмена», при этом наряду с изменением количественной стороны соотношения «распределение-обмен» в сторону увеличения обмена, меняется и их качество (*изменение свойств и распределения, и обмена*). Можно утверждать, что уровень взаимодействия и отношений «человек-природа» определяют и уровень взаимодействия и отношений «человек-человек». Именно «земля-мать» и определяет объективный характер истории. Именно природа определяет объективность и единство исторического процесса, задает его генеральное направление, этапы и траектории развития обществ.

История начала начал (*праистория*) воссоздается главным образом по данным палеоантропологии и археологии. Антропологические и археологические материалы, относящиеся к данной эпохе, дают достаточное представление о физическом облике первобытных людей и их материальной культуре, но они мало что говорят о существовавших тогда общественных отношениях. Первобытнообщинные порядки известны нам лишь в том их виде, в котором они существовали у народов, продолжавших оставаться на стадии доклассового общества в новое время. Поэтому в современных представлениях о первобытном обществе, наряду с твердо установленными положениями, немало и спорного. И все же с большой долей уверенности можно предполагать, что в начале общественно-исторического развития простейшие орудия труда, используемые в процессе присвоения средств к жизни, определяли и соответствующий уровень взаимодействия людей с природой, который в буквальном смысле можно назвать как природно-поверхностный, а также коллективистский характер производственной деятельности, который, как считал К. Маркс, был "результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства"⁵³. При этом основной формой взаимоотношений «человек-человек» (*в их общественном жизненном процессе*) являлись распределительные отношения, притом, как во вне установившихся обществ (*между сообществами*), так и внутри их.

Во-первых, следует сказать, что эту форму отношений человек наследует от животного мира. Большинство высокоорганизованных животных так или иначе «метят» свою территорию — территорию проживания, которую оберегают от посягательства чужаков, т.е. так или иначе распределяют. Аналогичный принцип доминирует и в отношениях между родовыми общинами — исторически первыми социальными ячейками. В их тотемических мифах, пишет С. Токарев, олицетворена связь с территорией, с отдельными частями географического ландшафта: "Эти представления охватывают прежде всего определенную территорию — область кочевания данного рода и особенно ее «священный» центр"⁵⁴. Конечно, распределялась не только территория, но и деятельность, основанная на точном следовании обычаю и унаследованным от предков правилам, а также результаты деятельности.

Во-вторых, обмен, как форма отношений, возник на более высоком уровне становления человеческого общества. Он зарождался в тех пунктах, где приходят в непосредственное соприкосновение различные роды, и в общем объеме отношений (*в соотношении «распределение — обмен»*) являлся весьма незначительным. Самим процессом производства его условия и предпосылки "превращаются из естественно выросших в исторические"⁵⁵.

В эволюции складывавшихся первобытных сообществ (*основным источником существования которых вначале были охота и собирательство*) можно выделить два периода: "период преимущественного присвоения готовых продуктов природы" и "период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности"⁵⁶. Первый из них характеризуется таким уровнем развития орудий труда, при котором продукта добывалось не более, чем это было необходимо для простого физического выживания. В таких условиях единственно возможным способом взаимоотношений людей было уравнительное распределение. С появлением минимального избыточного продукта возникла возможность обмена между членами разных коллективов. Последний был, безусловно, не обменом товарами, а той, имевшей универсальное распространение в до-

классовом обществе, его формой, которая именуется в этнографической литературе, как обменом дарами. Его суть заключалась в создании и поддержании социальных связей между индивидами и их группами.

Как это доказано археологией и другими науками, первыми формами хозяйственной деятельности человека были коллективные формы с внутренним разделением труда, диктуемым полом, возрастом и индивидуальными способностями. Появление избыточного продукта связано с увеличением производственных возможностей человека, в том числе и с общественным разделением труда (*естественной основой которого выступало разнообразие природного фактора*). Различия в производстве, образе жизни и производимых продуктов стимулировали все большую необходимость взаимобмена и расширения общественной связи между людьми, которая, вообще говоря, возможна лишь в том случае, если их деятельность ограничена, если один нуждается в другом. Здесь впервые и возникает общественная связь, общественное отношение как таковое, которое вне обмена деятельностью вообще возникнуть не может. В свою очередь, дифференциация и интеграция процесса производства углубляет проникновение человека в естественные силы и закономерности природы, вовлекая все более расширяющийся круг ее предметов в орбиту человеческой деятельности, одновременно усложняя структуру общества, коллективистский характер труда, богатство и многообразие общественных отношений.

На ранних ступенях истории люди были связаны между собой узами непосредственно личных отношений и зависимостей. С разделением труда подобные отношения сменяются все более широкой системой связей и зависимостей. При этом, с одной стороны, организуется усложненная форма производства как целостности, с другой, отношения людей теряют характер личного общения, уступая место отношениям создаваемых и обмениваемых ими вещей. От способа производства и обмена исторически определенного общества и от исторических предпосылок этого общества зависит и способ распределения. Короче говоря, с развитием производительных сил (*и ростом*

производственных возможностей людей) распределение все в большей мере начинает вытесняться обменом, причем как во вне установившихся или вновь образуемых сообществ, так и внутри их, что (*в свою очередь*) инициирует становление новых типов социальных структур, определяет необходимость создания нового механизма регулирования и управления обществом, в том числе и с применением тех или иных форм эксплуатации.

Процесс общественно-исторического развития демонстрирует нам переход от первобытного способа производства к рабовладельческому, или (*в зависимости от конкретных исторических условий*) к феодальному способу производства, представляющими собой, конечно же, разные уровни состояния производительных сил. Однако при всех их изменениях структура первых и качественный уровень вторых сохраняются, поскольку ведущим ресурсом в воспроизводственном процессе в указанных способах производства остается поверхность (*плодородие*) земли, которую, как отмечалось, нельзя обменять, а можно лишь распределить. Поэтому в основе отношений докапиталистических сообществ превалирует принцип распределения, трансформирующийся и проявляющий себя в отношениях между людьми как отношения личной зависимости. "Патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, денег, меновой стоимости, в то время как современный общественный строй (*капитализм — авт.*) вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних"⁵⁷. На определенной ступени развития производительные силы приходят в противоречие с существующей формой общения. Это противоречие разрешается путем социальной революции.

На место прежней (*ставшей оковами*) формы общения приходит новая (*соответствующая более развитым производительным силам*). При этом в ней, наряду с изменением количественной стороны соотношения «распределение-обмен» (*в сторону увеличения обмена*), необходимо меняется и качество. Всеобщей формулой капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения, становится Д-Т-Д', в отличие от формулы простого товар-

ного обращения — Т-Д-Т. Это изменение (*изменение качества*) есть результат того, что в орбиту обмена помимо вещественных факторов вовлекается рабочая сила, придавая обмену новое свойство. "Каждый новый способ производства или новая форма обмена, — писал Энгельс, — тормозится вначале не только старыми формами производства и обмена и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Новому способу производства и новой форме обмена приходится путем долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение"⁵⁸. Если в докапиталистическую эпоху распределение осуществлялось по принципу «принадлежности» (*коллективу в первобытном обществе, государству, определенному классу или сословию — в рабовладельческую эпоху и при феодализме*), то теперь — по принципу «капитала» (*качественно иному, чем прежние*). Соответственно вновь изменяются социальная структура, отношения собственности и механизм управления обществом.

Рубеж XVIII–XIX вв., выразившийся в замене ручного труда многочисленными машинами, в появлении более мощных видов энергии, является решающим в развитии человечества. Но дело, конечно, не только в прогрессе орудий труда как таковых. Этот прогресс внес изменение в природную основу производства, углубил разделение общественного труда. Ведущим ресурсом в капиталистическом воспроизводственном процессе становятся полезные ископаемые и энергетические ресурсы, имеющие значительно большую степень природной неравномерности, чем плодородие земли, что нарушает состояние относительного равновесия в распределении природного фактора (*инициирует процессы обмена*), меняет условия воспроизводства жизни.

Со временем капиталистический способ производства отрывает друг от друга различные виды труда, разъединяет физический и умственный труд и, как таковой, применяет последний к материальному производству (*в начале XX в. доля затрат интеллектуального труда составляла в экономике индустриально развитых стран около 8%, в середине века 20-30%, в настоя-*

щее время она приблизилась к 60-70%). Вытесняя из процесса производства непосредственно физический труд, умственный труд постепенно переходит в разряд доминирующего, меняя основу производительных сил, ведущий ресурс воспроизводственного процесса, структуру общественного труда, а в целом — условия воспроизводства непосредственной жизни, что вновь приведет к состоянию несоответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил.

Напомним о том, что интеллектуальная способность индивидов не соотносится "с каким бы то ни было заранее установленным масштабом", и потому ее нельзя распределить. Она прирастает и даже существует, становится потенциалом воспроизводства общества лишь в случае активного обмена. Короче говоря, единственной формой общественной связи при главной роли в производстве всеобщего интеллектуального труда будет являться обмен, теряющий при этом свою стоимостную суть (*и тем приобретающий новое качество*). Принципом распределения в новом сообществе должен стать принцип распределения «по-труду», в дальнейшем «по-потребностям», что и будет означать отсутствие распределения как такового.

При всех подходах к выделению ступеней общественного развития главным у Маркса остается следующее: "Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень"⁵⁹.

Исторический процесс в терминах противоречия. Одной из первых в истории философии была создана классическая концепция развития — диа-

лектика. Она была представлена трудами великих немецких философов — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Проникновение ее идей в естественные науки (в первой половине XIX в.) создало основные теоретические предпосылки для появления нескольких моделей развития, таких, например, как диалектико-материалистическая модель (*изучает наиболее общие закономерности развития и функционирования природы, отношения и взаимодействия человека с ней, а также некие принципы ее познания*). Эволюционистская модель (*обосновывает положение об исключительно постепенном характере эволюции в направлении от однородности к разнородности по линии наименьшего сопротивления*). Натуралистическая, или «сциентистская» модель (*в ее основе лежит представление о естественнонаучном знании как наивысшей культурной ценности и достаточном условии ориентации человека в мире*). А также другие, среди которых можно отметить «негативную диалектику», «трагическую диалектику», «диалектику эпистемологической рефлексии», разрабатываемые в западной философии.

К числу наиболее значимых и авторитетных концепций относится, несомненно, диалектико-материалистическая концепция развития, созданная Марксом и Энгельсом. Ее теоретическими источниками явились идеалистическая диалектика Гегеля и философский материализм Фейербаха. Переосмыслив идеалистическое содержание философии Гегеля, они перестроили диалектику на основе материалистических представлений. К общим законам диалектики относятся: переход количественных изменений в качественные (*определяет взаимосвязь категорий количества, качества и меры*), единство и борьба противоположностей (*позволяет понять движение как самодвижение*), отрицание отрицания (*выражает преемственность, спиральность развития, связь нового со старым*). Кроме них существует ряд диалектических закономерностей, конкретизирующих и дополняющих основные законы диалектики, выраженные в категориях: сущность и явление, содержание и форма, случайность и необходимость, причина и следствие, возможность и действительность, единичное, особенное и всеобщее и т.д.

При этом главной категорией материалистической диалектики является противоречие, к ступеням развития которой относятся "*тождество, различие, противоположность*, противоречие, или собственно противоречие"⁶⁰. Следует сказать, что по поводу категории «противоречие» была написана масса работ и, тем не менее, ее исследование как системы противоречий применительно к общественно-историческому процессу так и не случилось.

Человека можно отличить от животного по самым различным признакам. Но если выделить наиболее значимые, то это будут (*прежде всего*): материальное производство, членораздельная речь и способность к абстрактному мышлению. Поэтому считается, что первый исторический шаг наших предков как человеческих существ — это производство, точнее, деятельность, которая, как отмечалось, имеет две стороны: производство — отношение людей к природе и общение — отношение людей друг к другу, в первую очередь в связи с производством. "Уже самый факт, что это есть *отношение*, — писал Энгельс, — означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения"⁶¹. В основе взаимодействия и отношений людей с природой лежит противоречие (*вытекающее из действительности, реального жизненного процесса*) — противоречие 1-го рода — противоречие между материей и сознанием, между единственно универсальной основой, что существует в мире, между объективной реальностью, действительностью и ее субъективным отражением, образом объективного мира. С одной стороны, оно является общим для всех исторических эпох, с другой — обладающее количественной и качественной определенностью для каждого отдельного периода. В основе развития общественных отношений — отношений людей друг к другу — лежат иные противоречия, которые являются производными — порождаемые развитием противоречия 1-го рода. Дело в том, что основной или исходный момент общения — производство, взаимодействие и отношение людей к природе (*в основе которого и лежит противоречие 1-го рода*). Все остальные противоре-

чия, которые порождаются отношениями людей друг к другу, можно определить лишь как производные от первого. Маркс характеризует общественные отношения как "отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни"⁶², как состоящие из следующих моментов: производства, распределения, обмена и потребления. Производство, пишет он, господствует как над самим собой, если его брать в противопоставлении к другим моментам, так и над этими другими моментами. "Определенное производство обуславливает... определенное потребление, определенное распределение, определенный обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме*, со своей стороны, определяется другими моментами"⁶³. Из этого можно предположить, что сторонами противоречий общественных отношений, "в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни"⁶⁴, являются указанные моменты: противоречие связки «распределение-обмен» и противоречие связки «производство-потребление» — противоречия 2-го и 3-го рода.

Для **первобытного** строя характерно **тождественное** состояние сторон — человека и природы (*сращение его с природными условиями*), а вместе с тем, и состояние равенства между людьми, которое обусловлено (*в конечном счете*) их равенством (*тождеством*) с природой. На данном этапе процесс общественного развития осуществляется на уровне непосредственного взаимодействия природы и человека, производительные силы которого были ничтожно малы, и все его взаимодействие с природой сводилось к слепому подчинению ее могуществу. Что же касается имущественных отношений между членами общин, то они были представлены, во-первых, общей (*для членов общины*) собственностью на средства производства и, во-вторых, формой уравнительного распределения внутри образовавшихся сообществ по принципу принадлежности к определенной общине. Отсутствовали частная собственность, классы и государство, а основным регулятором поведения людей являлась воля коллектива, выражавшаяся в его общественном мнении

и закреплявшаяся в традициях. Однако всякое тождество вещей временно, преходяще. "Уже тождество есть зародыш противоречия, т.к. старое, будучи существенно тождественным самому себе, содержит в себе предпосылки нового, т.е. моменты отличия себя от самого себя, но в качестве подчиненных тождеству"⁶⁵. Исследователи отмечают, что к стадии первобытности относятся значительные достижения в познании человеком растительного и животного мира и других отраслей знаний (*что привело со временем к усовершенствованию орудий труда, способствовало росту продуктивности хозяйств, получению ими избыточного продукта, зарождению и развитию форм обмена*). Эти прогрессивные изменения вызвали к жизни новую форму общественной интеграции, усилили процесс разделения труда и усложнили форму кооперации. Все достижения в познании человеком окружающего его природного мира, во-первых, стали основой дальнейшего развития материального производства и, во-вторых (*как следствие первого*), привели к обособлению отдельных производящих домохозяйств (*сначала больших семей, а затем и малых*), к трансформации родовой общины в общину сельскую (*территориальную*) и к их объединению. По мере углубления этих явлений непосредственно-личностные отношения понемногу вытесняются более широкой системой связи и зависимостей. Короче говоря, постепенные накопления количественных изменений (*вначале совершенно незаметные*) в известный момент (*перешагнув меру*) привели к изменению качества, которое Гегель характеризовал как тождественную с бытием внутреннюю определенность, как специфику предмета или явления (*что же касается количества, то он определял его как внешнюю для бытия определенность*). Возобладание частного начала внутри общины, имущественная и социальная дифференциация приводят к разложению первичной социальности, к становлению рабовладельческого или (*в зависимости от исторических условий*) феодального общества.

Второй этап общественного развития — этап **различия — рабовладения, феодализм**. Прежде всего следует сказать о том, что существует целый

ряд обстоятельно аргументированных работ обнаруживающих сущностное родство классовых обществ древности и средневековья (*рабовладения и феодализма*). Разница между послепервобытными и докапиталистическими способами производства, отмечают обществоведы, в основе которых лежит ряд общих экономических законов, менее существенна, нежели различие между ними обоими и капитализмом. Еще более глубокая грань отделяет их от первобытнообщинного способа производства⁶⁶. Короче говоря, вполне обосновано отстаивается мнение о принадлежности обществ рабовладельческого мира и средневековья к единой формации. Главным аргументом здесь являются ссылки на то, что способы производства того времени не могли быть разными, поскольку базировались на одной и той же ступени развития производительных сил, а также на сходстве форм эксплуатации в древних и средневековых обществах.

Разные суждения по этому вопросу, отмечают исследователи, связаны с неоднозначностью источников по различным периодам и странам, в связи со сложностью прочтения и изучения текстов, с проблемами хронологического порядка, в связи с редкостью сведений в источниках о реальной жизни общества, его социального строя и духовной культуры, с неравномерной разработанностью соответствующих отрезков истории и т.д., что создает весьма значительные трудности.

Как отмечалось, в основе общественных отношений раннеклассовых обществ доминирует принцип распределения (*при возрастающем развитии торговли и других форм обмена*), трансформирующийся и проявляющий себя в отношениях между людьми как отношения личной зависимости. Появляются частая собственность, классы и государства. Взаимодействуя с природой и друг с другом, на первом этапе развития приспособляясь и приспособляясь к природе, а далее используя ее в процессе труда, человек в то же время изменяет и свою собственную природу. "Вся история, — отмечал, Маркс, — есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы"⁶⁷ (*в виде навыков и способностей, а вместе с тем в предметных орга-*

нах, которые созданы и ежедневно возобновляются). Различие человека и природы заключается в том, что человек на этом этапе эволюции стал более активным субъектом постижения и использования природы (*земли, силы ветра, падающей воды и др.*), что в целом определяет момент их различия с ней, причем индивидуально неравного, определяющего в конечном счете возникновение различия (*неравенства*) между людьми, углубляемого затем в процессе эксплуатации — процессе развития одних за счет недоразвития других. Здесь (*в различии*) "ибо хотя на первый план и выходит сосуществование нового и старого, однако, новое образовалось и продолжает развиваться из старого, в связи со старым"⁶⁸. Развитие, как известно, есть «борьба» противоположностей. Противоположными сторонами в структуре общественных отношений (*наиболее значимыми для данного периода*) являются распределение и обмен. Внутренние различия между ними (*со временем*) усиливаются и в определенный момент выходят за критический уровень. "Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения"⁶⁹. Эта эпоха в истории закончилась, как известно, буржуазными революциями в Западной Европе (*XVI-XXIII вв.*) — революциями между классом феодалов (*носителями принципа распределения в общественных отношениях*) и нарождающейся буржуазией (*носителями принципа обмена*).

Третий этап развития — этап **противоположности** между человеком и природой — **капитализм**. В структуре его общественных отношений начинает увеличиваться принцип обмена, в орбиту которого помимо вещественных факторов, как отмечалось, вовлекается рабочая сила, что вынужденно меняет качественную сторону обмена. При этом присутствует, конечно же, и принцип распределения, однако, также количественно и качественно иного, чем в предшествующие периоды. Если в докапиталистическую эпоху распределение осуществлялось по принципу «принадлежности», то во вновь образовавшемся сообществе распределение осуществляется по принципу «капитала». Противоположность между человеком и природой состоит в следу-

ющем. Возросший уровень развития людей и средств их труда становится настолько значительными, что позволяет им не только приспособлять или использовать природу в своей деятельности (*как в предшествующие эпохи*), но побуждает все более и более углубляться вовнутрь, преобразовывать и видоизменять ее, отрицая и противопоставляя себе (*первое отрицание*). "Различные стороны, вещи, процессы и т.д. образуют собой противоположность друг другу лишь тогда, когда они связаны друг с другом через исключение, отрицание друг друга"⁷⁰. О масштабных негативных последствиях воздействия человека на природу (*возникших, как известно, в эпоху капитализма*) написано множество обстоятельных работ. Главное здесь — это, конечно же, неумные потребности людей. Стремясь к улучшению условий своей жизни, человек постоянно наращивает темпы материального производства, не задумываясь о будущем. Биосфера планеты, как известно, уже пришла в неравновесное состояние, и эта ее нестабильность все более и более усугубляется. Надеяться на не весть откуда-то взявшийся «коллективный разум», способный изменить ситуацию, совсем не приходится. Соответственно, состояние противоположности между людьми определяется тем, что эксплуатация при капитализме осуществляется не только в режиме использования человека, но и в режиме его изменения. "Капитал, имея тенденцию *безгранично повышать производительные силы, вместе с тем* делает односторонней... *главную производительную силу* — самого человека"⁷¹. Еще более обстоятельно эта же мысль была высказана Г. Маркузе в работе «Одномерный человек»⁷². Одномерный (*одномерный*) человек не может хоть как-то вершить судьбу истории человечества. Самореализация личности такого человека в большинстве случаев ограничивается сферой потребления.

Отчужденный работник пытается компенсировать себя в качестве «свободного потребителя», не замечая, что и в этой сфере он попадает под власть стандартов и стереотипов поведения, сформированных не им самим, а «индустрией потребления». Отчужденный работник становится отчужденным потребителем. Такой человек представляет собой продукт объективных, надче-

ловеческих общественных отношений, начинающих в этом случае развиваться как бы помимо него. Однако основной момент заключается в том, что сам принцип капиталистического способа производства — безудержное наращивание связки «производство-потребление» — не позволит что-либо изменить.

Из сказанного можно сделать следующий вывод, что основным противоречием этапа противоположности между человеком и природой, а также между человеком и человеком, выступает противоречие между производством и потреблением. Субъект взаимосвязи — капитал. Он же источник противоречий. "Та универсальность, — писал Маркс, — к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала"⁷³.

С одной стороны, это противоречие между общественным характером производства в смысле того, что взаимодействие и отношение людей с природой, воздействие на нее носит общественный характер и частной формой присвоения результатов производства. Общественный характер производства определяется не только тем, что люди так или иначе работают друг на друга, а более тем, что их взаимодействие с природой, со стороны воздействия на нее носит общественный характер. Обратное же отношение, воздействие природы на человека, присвоение им предметов природы хотя и осуществляется посредством той или иной общественной формы, но носит характер индивидуального — отдельная страна, отдельный индивид.

С другой — это противоречие между общественным характером производства в смысле работы людей друг на друга и капиталистической формой присвоения, между капиталом и непосредственным трудом, между богатством и бедностью, которое перешагивает границы отдельных государств, смещается на уровень между развитыми и развивающимися странами. "В противоположности противоречие еще больше развивается, ибо, хотя и вы-

двигается на первый план отрицание, исключение новым старое, тут также новое образуется из старого, и обнаруживается сама внутренняя связь со старым: новое осуществляется как отрицание старого"⁷⁴.

Следующий этап общественно-исторического развития — этап **противоречия**, или собственно противоречия (*так он определяется в философском словаре И. Нарским*): "К ступеням развития противоречия в самой сущности предметов относятся *тождество, различие, противоположность, противоречие, или собственно противоречие*"⁷⁵, последнее состоит из двух моментов. Первый из них — это отрицание отрицания. Как отмечалось, на этапе противоположности возросший уровень развития людей и средств их труда становится настолько значительным, что позволяет им не только приспособляться и использовать природу в своей деятельности, но побуждает все более углубляться вовнутрь, преобразовывать и видоизменять, отрицая ее и противопоставляя себе (*вначале берет верх одна сторона, отвергая или отрицая собой другую противоположность*). Затем «взбунтовавшаяся» природа (*иначе не скажешь*) от такого обращения с ней начнет отрицать то, что ее отрицало (*потом эта другая сторона отрицает ту, которая поначалу взяла было верх*). Однако теперь это второе отрицание совершается не как полное отбрасывание первой противоположности, а как проникновение в нее другой противоположности, следовательно, как их единство. Поэтому ход развития походит на движение вперед и вверх по спирали: начав с определенного пункта, мы переходим на противоположную сторону витка спирали — первое отрицание, а потом в ходе диалектического движения как бы возвращаемся назад, к исходному пункту, но на более высоком уровне — второе отрицание. Второй момент противоречия (*или собственно противоречия*) — это когда формируется связь, внутреннее единство различных сторон, когда главным становится то, что в этом процессе они порождают друг друга в качестве отличных друг от друга. "На высшей ступени противоречия, или на ступени собственно противоречия, новое завершает отрицание, преобразование старого, включает старое в снятом, преобразованном виде как свой соб-

ственный момент. Теперь формируется связь, внутреннее единство различных сторон"⁷⁶.

Этап **отрицание отрицания** — **социализм** будет самым сложным периодом в истории человечества. Дело в том, что противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения принадлежит не только плоскости отношений «человек-человек», но более плоскости отношений «человек-природа». Капитал эксплуатирует (*насильственно и безвозмездно присваивает*) не только труд, но и природу (*последнюю абсолютно*). Нищает не только человек (*прежде всего духовно*) в значительно большей степени (*абсолютно*) нищает природа. На такое отношение к ней со стороны человека природа, безусловно, ответит «сполна», по всей строгости ее законов. В Библии сказано: "И пришел гнев Твой и время... погубить губивших землю" [Откровение 11,18].

У homo sapiens существует один единственный путь и возможность в преодолении кризиса цивилизации. И этот путь — преодоление самого себя, своей собственной природы. Он победит не природу как таковую, а **собственную природу** через ее развитие, направив вектор своих творческих потенций вовнутрь, на познание самого себя. Итогом этого процесса и будет пятый этап — кульминационная ступень в истории развития человечества — **коммунизм**. "Отрицая друг друга, противоположные стороны переходят друг в друга, являются тождественными"⁷⁷. В будущем обществе, считал Маркс, произойдет "*действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью... между свободой и необходимостью, между индивидом и родом"⁷⁸.

Итак, действующие противоречия общественно-исторического развития. Для **первобытного** строя характерно тождественное состояние сторон — человека и природы, а вместе с тем, и состояние равенства между людьми, обусловленное (*в конечном счете*) их равенством (*тождеством*) с природой. Для этого этапа общественного развития (*осуществляемого на уровне непо-*

средственного взаимодействия человека и природы) характерно действие лишь противоречия 1-го рода — противоречия между объективной реальностью, действительностью и ее познанием человеческим мышлением, так как социальные отношения находятся лишь на стадии становления. На этапе различия — **рабовладение, феодализм**, действуют два вида противоречий: противоречие между объективной реальностью, действительностью и ее познанием человеческим мышлением (*противоречие 1-го рода*) и противоречие между противоположными сторонами в структуре общественных отношений — противоречие между распределением и обменом — противоречие 2-го рода, порождаемое развитием противоречия 1-го рода. Именно противоречие между распределением и обменом является определяющим в общественно-историческом развитии этого периода. Для следующего этапа — этап противоположности между человеком и природой — **капитализм** — характерно одновременное действие трех видов противоречий: противоречие между объективной реальностью, действительностью и ее познанием человеческим мышлением (*противоречия 1-го рода*); противоречие связки «распределение-обмен» внутри социальной формы труда (*противоречия 2-го рода*); противоречия между производством и потреблением (*противоречия 3-го рода*), точнее говоря, противоречие между общественным характером производства и индивидуальной формой присвоения, противоречие между природой и человеком, которое на данной ступени становится основным или ведущим, определяющим переход к следующей ступени общественного развития. На следующем этапе общественно-исторического развития — этапе отрицание отрицания — **социализм** — действуют, во-первых, противоречие между объективной реальностью, действительностью и ее познанием человеческим мышлением и, во-вторых, противоречие между распределением и обменом в плане того, что здесь будет окончательно побежден принцип распределения в структуре общественных отношений. "Что *одним* из конечных результатов... будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой *государством*..."⁷⁹, основная экономическая

функция которого — распределение. Для пятого этапа — этапа кульминационной ступени в истории развития человечества — **коммунизма** — будет характерно действие противоречия лишь между объективной реальностью, действительностью и ее познанием человеческим мышлением (*противоречие 1-го рода*). В итоге можно сказать, что именно развитие противоречия в отношении «человек-природа» определяет объективный характер истории, задает его генеральное направление, этапы и траектории развития обществ и обуславливает взаимодействие и отношения «человек-человек».

Концепции периодизации общественно-исторического процесса. Историческая наука как попытка осмысления значимых событий в жизни и развитии общества, а также его идеалов и целей возникла в античности и связана со многими выдающимися именами. В том отдаленном прошлом процесс развития понимался как простая последовательность событий, определяемая действиями людей, их побудительными мотивами. Однако со временем становилось все более ясным, что намерения и результаты их сознательных и целенаправленных действий нередко не совпадали, что ход истории протекает по законам, не вполне зависящим от воли и устремлений людей. Появившееся представление о внеисторической цели человека и общества связано с христианством. Христианская концепция, будучи обращенной к истории общества, как бы придала ей (*истории*) временное измерение и открыло хилиастическую перспективу (*торжества правды Божьей на земле*). В Новое время и в век Просвещения были выдвинуты новые идеи, на базе которых выстраивались и новые мыслимые образы истории. К их числу можно отнести догадку об общественно-исторической закономерности, идею исторического круговорота, борьбу против теологического понимания истории, попытку осмысления социального прогресса, представление о становлении и развитии мира как органического целого. Исключительно важное значение имела высказанная Кантом и Гегелем мысль об объективной основе развития общества. Кант видел такую основу в объективно существующем мире умопостигаемых сущностей, Гегель — в саморазвитии абсолютной идеи. Кон-

цепция исторического развития на основе материалистического подхода была создана Марксом и Энгельсом в середине XIX века. Исторический материализм исходит из того, что развитие общества происходит закономерно, что прогресс общества, конечной целью которого является развитие человека до качества гармоничной и свободной личности, связан с развитием производительных сил и социальных отношений, ростом производительности труда, освобождением от гнета стихийных сил и эксплуатации.

Со второй половины XIX столетия стал формироваться так называемый цивилизационный подход — локально-циклический взгляд на историю, отрицающий единство истории человечества, его прогрессирующее развитие и предполагающий множество исторических образований слабо, либо вообще не связанных между собой «цивилизаций». Все образования равноценны. История каждого из них уникальна, как уникальны и сами они. Н. Данилевский (*один из авторов такого подхода*), например, рассматривал цивилизации как определенные "культурно-исторические типы общества", существующие в рамках обособленных локальных образований. Каждая такая цивилизация, считал он, проходит в своем развитии этапы становления самобытности, юность, зрелость и упадок. Однако?

Как представляется, локально-циклический взгляд на раннюю историю человечества вполне правомерен, но лишь с некоторой оговоркой. При доминировании отношений распределения могло существовать множество исторических образований (*цивилизаций*) и, безусловно, они существовали, как локальные, друг с другом не связанные очаги жизнедеятельности человека в силу неразвитости отношений обмена. При становлении последних образуется зародыш единства всемирной истории, а при их бурном развитии, как внутри установившихся сообществ, и в большей мере между ними, история человечества становится всеобщей, что инициирует становление новых типов социальных структур и вызывает необходимость создания иного механизма регулирования и управления обществами. И этот факт вполне очевиден сегодня.

Примерно с середины XX века в мировой (*немарксистской*) исторической науке стали возрождаться линейные концепции — концепции, исходящие из методологической установки технологического детерминизма. С точки зрения последнего, решающим фактором, главной движущей силой общественного развития являются наука и техника (*научно-технический прогресс*). Технологический детерминизм выступает в качестве методологической основы многих философских и социологических футурологических гипотез, пытающихся представить модель будущего общественного устройства. К их числу относятся концепция стадий экономического роста, индустриального и постиндустриального обществ, а также информационного, технотронного и др. Различия между ними не являются существенными. Индустриальное общество, например, как полагают приверженцы этой системы взглядов, формируется в процессе и в результате индустриализации, развития машинного производства, возникновения адекватных форм организации труда, что, якобы, само по себе должно обеспечить решение многих социальных проблем (*повышение уровня жизни, выравнивание доходов, а также связанных с этими явлениями противоречий*). Доминирующими фигурантами здесь выступают бизнесмены, предприниматели, промышленные руководители. В дальнейшем (*в связи с огромным прогрессом в сфере науки и техники*) концепция индустриального общества трансформировалась в качественно иное — постиндустриальное. Его становление связывают с достижениями в области вычислительной техники, прогрессом в средствах коммуникации и т.д., оказывающих решающее влияние на все стороны социальной жизни. Общество все более становится информационным, основанном на знании и производстве нового знания. В экономике на первый план выдвигается сфера услуг. Изменяется якобы классовая структура общества (*на место классовой дифференциации приходит профессиональное*) и его ориентация, обусловленные новой ролью науки и техники. Важнейшей особенностью такого технократического общественного строя является господствующее положение «класса» специалистов, особенно тех, кто работает в сфере интеллектуаль-

ных технологий. При этом наука, по мнению авторов такого умозрительного образа, как бы растворяя в себе капитализм, способна зародить общество будущего, в котором научно-технический прогресс положит конец господству экономики над политикой, и где экономические отношения будут всецело подчинены политическому контролю со стороны «меритократов» — избранной элиты ученых и инженеров. В конце XX века стала формироваться новая система взглядов — идея электронно-информационной цивилизации, которая, по утверждению одного из ее авторов, способна "радикально изменить общество и, возможно, весь западный мир". Возникает-де качественно новый тип общества, основой которого будет производство не материальных ценностей, а информации, что обеспечит всесторонний социальный прогресс, создаст благоприятные условия для самовыражения личности. Информационная революция заменит собой социальную революцию, а лозунг борьбы с капитализмом будет снят с повестки дня, считают западные социологи.

Во второй половине XX века создается концепция, моделирующая современную историю как систему взаимодействия между различными социальными субъектами (*как систему связей, прежде всего экономических, образующихся в процессе формирования современного социального мира*) и представляющая человеческое сообщество как исторически меняющуюся систему. Она получила название мир-системного подхода. Схематично этот исторический образ рисуется следующим образом. Условно человеческая история может быть разделена на две ступени: до середины второго тысячелетия новой эры и после, когда образуется мировая капиталистическая экономика. На первой ступени локальные общества и цивилизации устанавливают между собой связи, но связи эти не оказывают существенного влияния на внутренний уклад их жизни. Мировая система формируется в ходе образования империй с выявленными центрами и перифериями, с достаточно четкими контурами и отношениями взаимной зависимости, обуславливающими воспроизводство и перемещение человеческих ресурсов.

В настоящее время в социальных науках и истории сложились разные точки зрения, которые по-разному объясняют течение общественно-исторического процесса. В последние десятилетия предприняты попытки создания универсальной концептуальной модели мирового процесса самоорганизации (*на основе синергетического мировидения*). В рамках этого подхода постулируются многолинейные социальные концепции, согласно которым существует несколько возможных вариантов эволюции общества, реализующих себя в нескольких направлениях (*процессы хаотизации здесь, проявления неопределенности не просто подчеркиваются, но и абсолютизируются, отвергая, по существу, идею единства мира, данного в каком-то определенном исходном начале*). Становление синергетической парадигмы в естествознании привело к открытию так называемого «превалирования неустойчивостей». На этой основе синергетика формулирует свой основополагающий тезис, заключающийся в том, что на всех уровнях структурной организации бытия именно неустойчивость выступает условием и источником возникновения «порядка». По мнению Пригожина и Стенгерс (*авторов этой концепции*), в ходе разворачивания синергетической исследовательской матрицы "неизбежно напрашивается аналогия с социальными явлениями и даже с историей". Однако они же предостерегают от того, что прямое заимствование социальными науками понятий и методологий синергетики не вполне корректно. Оценивая непосредственные практические аппликации синергетической методологии на материал социально-гуманитарного плана, Пригожин и Стенгерс пишут: "понятие структурной устойчивости находит широкое применение в социальных проблемах. ...Однако, ...всякий раз речь идет о сильном упрощении реальной ситуации"⁸⁰. Кроме названных подходов, существуют и другие, а также взгляды мыслителей, которые в разной степени отрицают наличие универсальных законов и вообще существование какого-либо смысла в истории. Подобные взгляды в силу неубедительности используемых фактов большинство ученых не склонно обсуждать всерьез.

Прежде всего, хотелось бы высказать мнение по поводу некоторых названий. Правильнее, как представляется, общество, начало которому было положено в XVI столетии, следует называть не индустриальным, а капиталистическим. Почему? Дело в том, что первична не индустрия, а капитал. Не что иное, а именно капитал, вызывает к жизни, задает качество и свойства индустрии, а не наоборот. Даже не обращаясь к Марксу (*который в первом томе «Капитала» обстоятельно описал этот процесс — процесс образования машинного производства и крупной промышленности*), политики и экономисты постоянно напоминают о том, что и сегодня для создания современного высокотехнологичного производства необходимы инвестиции, т.е. капитал. "Постиндустриалисты, как ранее индустриалисты, — замечает Ю. Семенов, — вводя понятие индустриального общества, помимо всего прочего, стремились заменить им понятие капиталистического общества как явно скомпрометированное в глазах очень многих"⁸¹. Еще большей нелепостью выглядит, на наш взгляд, название «информационное общество». Парадоксальность ситуации заключается в том, что в основу построения здания этой глобальной концепции положен элемент «информация», который не определяется, а принимается на интуитивном уровне. Теория информации создавалась как наука, направленная на решение конкретных технических задач (*она представлена такими выдающимися именами, как Хартли, Шеннон, Колмогоров, Винер, Котельников и др.*). В одних случаях теория количественно описывает лишь некоторые стороны информации, существенные для определенной области деятельности, в других — ее представляют как созданные в рамках частных подходов абстрактные конструкции, не пригодные вне этих рамок и не совпадающие между собой. И уж совсем неясной выглядит качественная сторона категории «информация» — семантика и прагматика (*семантический аспект предполагает учет смыслового содержания информации, а прагматический связан с ценностью, полезностью информации с точки зрения ее влияния на последующее поведение потребителя*). Информация (*по справедливому замечанию известного математика А. Ляпунова*) го-

раздо больше зависит от свойств получателя, чем от свойств источника. Не составляет большого труда доказать, что восприятие сообщений, которые часто и неправильно отождествляют с информацией, у каждого человека индивидуальное (*зависит от развитости его органов чувств, особенностей структуры головного мозга, имеющихся знаний*). Напомним, что сообщение — это форма представления информации в виде речи, текста, изображений, цифровых данных графиков, таблиц и т.д. А информация — это сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые уменьшают имеющуюся о них степень неопределенности, неполноты знаний. В этой связи возникает вопрос: насколько правомерно на основе субъективного элемента (*какой и является категория «информация»*) выстраивать объективные глобальные концепции (*информационное общество*) или универсальные метатеории?

Теперь по существу. "*Событийность и процессуальность* в истории, — справедливо замечает Ю. Семенов, — неотделимы друг от друга и друг без друга не существуют. И, тем не менее, исторический процесс не сводится к сумме событий. Отношение исторических событий и исторического процесса есть, по существу, отношение явлений и сущности. Познать любое историческое событие означает понять его как момент исторического процесса. Но движение от явления к сущности невозможно без обобщения... История должна «выработать общее», ибо наука существует только как знание об общем"⁸². Она тогда становится наукой, когда не сводится лишь к описанию хронологических событий, а ищет глубинный смысл самой истории, «связывает» ее с природой человека.

При рассмотрении проблемы периодизации истории несомненно, что таким общим и главным моментом в определении сути смены состояний является критерий членения исторического процесса. Известно, что поиском серьезного основания для выделения ступеней всемирной истории занимались ученые различных философских направлений. Одни видели его в движении общества к нравственной автономии личности (*Кант*); в уровне само-

сознания индивидов, фиксированного в степени развития человеческого разума (*Фихте*); в характере философских воззрений, соотносящихся с юридической деятельностью, суть которой выражалась в смягчении правовых норм, оформляющих эксплуатацию трудящихся (*Сен-Симон*); в «духе народа», обнаруживающем себя в качественных формах государства, конституции, нравственной жизни, религии, искусстве, науки (*Гегель*). Другие (*Маркс и Энгельс*) стремились найти объективную (*материальную*) основу периодизации общественно-исторического процесса.

Что касается локально-циклического взгляда на историю, основная идея которого заключается в отрицании единства истории человечества и его прогрессирующего развития, то и вопрос о критерии периодизации общественно-исторического процесса (*при этой точке зрения*) не имеет никакого смысла. Критерий же выделения культурно-исторических типов цивилизации, как отмечают историки, весьма аморфен и расплывчат (*а потому и количество самих цивилизаций сильно различается у разных авторов этой концепции*). В нашу задачу не входит воспроизведение критики (*достоинств и недостатков*) указанного взгляда на историю. Она достаточно известна. Приведем лишь мнение весьма авторитетного историка (*нашего современника*) Ю. Семенова: "К настоящему времени тот подход к истории, который принято называть цивилизационным, исчерпал все свои возможности и отошел в прошлое"⁸³.

В социально-философских исследованиях, получивших известность под общим названием индустриализма, исторический процесс рассматривается как смена трех социально-экономических систем: доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ. Источник их развития — технический прогресс, а границы определяют социально-технологические революции. Первая из них, как полагают создатели этой концепции, это неолитическая (*«агркультурная революция»*), вторая — промышленная (*индустриальная революция*), третья — научно-техническая революция. Как было отмечено, критерий выделения ступеней общественно-исторического развития

должен быть первородным, а не производным от чего-либо. Технический же прогресс — это производная величина — производная от деятельности людей, которая имеет две стороны: производство и общение. Переход от одной формы общества к другой рассматривается в этой концепции как данность, а не как процесс, обладающий внутренней логикой и противоречиями, что делает многие положения и выводы в этой концепции, безусловно, поверхностными.

Какие же главные трудности возникают при ориентации на критерий периодизации общественно-исторического процесса по технологии жизнеобеспечения? Какие основные моменты в истории он не в состоянии прояснить? Прежде всего надо сказать, что при посредстве этого критерия невозможно хоть как-то обозначить (*предсказать*) главное — будущую траекторию общественного развития, а также четко разграничить прошлое. Взгляды различных сторонников этих концепций по некоторым моментам значительно отличаются друг от друга. Не все они одинаково решают вопрос о том, когда именно произошел переход от традиционного общества к индустриальному. Нет среди них и единого мнения в вопросе о переходе от индустриального общества к постиндустриальному. В зависимости от оценки исторической перспективы социального развития этот подход, как известно, имеет две основные разновидности: оптимистическую и пессимистическую. Оптимистический вариант изображает науку и технику в качестве доброй феи, которая, разрешив все противоречия и трудности общественного развития, приведет человечество в эру изобилия и социальной гармонии. Пессимистическая же версия технологического детерминизма не только дает негативную оценку научно-техническому развитию, но и усматривает в нем главную причину всех трудностей, с которыми сталкивается современное человечество. А всякая наука, как известно, лишь тогда достигает зрелости и совершенства, когда она раскрывает сущность исследуемых ею явлений и оказывается в состоянии предвидеть их будущие изменения в сфере не только явлений, но и сущности. Технократический подход, без всякого сомнения, по-

коится на внешне наблюдаемых явлениях, а не на сущности процесса развития. Но, "...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, — писал еще Маркс, — то всякая наука была бы излишня..."⁸⁴.

В начале 30-х годов прошлого века немецкий философ и публицист О. Шпенглер писал о том, что человек, властелин мира, сам стал рабом машин. Техника, утверждал он, вовлекает всех нас, помимо нашего желания, в свой бег, подчиняет собственному ритму, и в этой бешеной гонке человек, считающий себя властителем, будет загнан насмерть. М. Хайдеггер (*также немецкий философ*), задумываясь над сущностью кризиса цивилизации, основную проблему видел в том, что современная техника поставила на службу человеку природу и самого человека. О том же говорил и К. Ясперс (*известный их соотечественник*), полагая, что человек становится одним из видов сырья, подлежащего обработке, и не может уже освободиться от власти созданной им техники. В результате природа и человек деградируют, поскольку становятся простыми функциональными элементами и материалом бездушной машины — поставляющего производства. Многие философы не верят, что можно решить проблемы, порожденные техникой, опять же с помощью техники, пусть даже более гуманной и совершенной. "Полагать, — писал К. Ясперс, — что задача преодоления техники с помощью техники вообще осуществима, значит прокладывать новый путь неблагополучию"⁸⁵.

Технократический подход, с одной стороны, отодвигает на второй план субъекта истории — человека, с другой — предполагает, что социальная политика, основанная на научном знании, способна конструировать систему общественных отношений. Однако непонятно — как? Представление о способности человека «лепить» окружающий мир и его связи в соответствии со своими желаниями принадлежит, как отмечалось, к числу так называемых «заблуждений конструктивизма». Техника не может функционировать сама по себе, без людей, без их взаимодействия в процессе производства. Поэтому ее нельзя рассматривать в отрыве от всей сложной и многоплановой жизни, анализировать в отрыве от социальных отношений. Конечно, ее прогресс

влияет на все сферы общественной жизни, но нигде она не выступает самостоятельно и, следовательно, не может претендовать на роль независимой детерминанты общественно-исторического развития.

Сторонники технократического похода считают, что источником власти должен быть сплав знаний и опыта, что элита управляющих будет более эффективна, чем элита собственников (*предполагается, что исчезнет класс капиталистов, а его место займет новая правящая элита, обладающая высоким уровнем образования и знания*). Безусловно, уровень знаний оказывает влияние на эффективность управления, однако основная сложность (*и ключевая проблема*) этого процесса заключается в достижении реального тождества частных и всеобщего интересов. Считается, что новый принцип управления (*меритократия*) позволит устранить бюрократию (*благодаря избранию на руководящие посты лиц в зависимости от их заслуг и способностей*). Но эти заявления никак не обоснованы. Современные западные социологи все больше отказываются от легковесных восторгов по поводу «гениальности» высших слоев и ставят проблему элиты в прямую зависимость от бюрократизации общества, используя этот термин при анализе его высших страт. Технократический общественный строй, по мнению его приверженцев, характеризуется тем, что процесс производства и распределения находится под контролем общества и делегирован наиболее квалифицированным специалистам. При этом полагается, что отношения собственности теряют свое значение. Но управление, как известно, отделенное от собственности, неизбежно бюрократизируется, т.е. начинает подчиняться собственным интересам прослойки управляющих. Бюрократизм — это не свойство отдельных людей, чиновников, как писал Маркс, а общий порядок, обнаруживающий в воле действующих личностей мощное влияние общих отношений. Поэтому, пока в структуре последних присутствует распределительная составляющая — присутствует и власть бюрократии. Вряд ли можно всерьез воспринимать попытки представить «новую элиту» равно заботящейся о всех слоях общества. Будучи привилегированной группой, бюрократия будет всегда защи-

щать свои специфические интересы и, вместе с тем, защищать социальную систему, которая и обеспечивает ее привилегированное положение.

Во многом схожие трудности при рассмотрении общественно-исторического процесса возникают и в концепции экономического детерминизма, поскольку «экономика» не менее производна от деятельности людей, как и технический прогресс. Экономический детерминизм нередко истолковывают как учение, которое рассматривает экономику в качестве единственного фактора, который определяет исторический процесс (*а также все остальные стороны жизни общества*). Прежде напомним, что марксизм никогда не считал ее таким единственным фактором. Подобные интерпретации исторического материализма появились еще при жизни Маркса. По свидетельству Энгельса, великий мыслитель, ознакомившись с такого рода «марксизмом», сказал: "Ясно одно, что сам я не марксист"⁸⁶.

Предметом анализа мир-системного подхода является социальная эволюция систем обществ, а не отдельных социумов. Позитивным моментом в нем является то, что он ориентирован на проблематику становления современного социального мира как системы, где предпринята попытка проанализировать историю генезиса капитализма в его целостности. Объектом его исследований является экономическая динамика современной мир-системы, ее противоречия и кризисы, перспективы возникновения новых форм сосуществования человеческого сообщества. К числу же существенных недостатков этого подхода справедливо относят сосредоточение основного внимания на процессах обмена и пренебрежение производством и производственными отношениями. Но, как отмечалось, эта основа (*торговля, финансовая деятельность*) для системного анализа исторического процесса является далеко не первородной, а значит и не субстанциальной. Последнее, на наш взгляд, является необходимым условием научного исследования социального процесса. Поэтому и картина будущего в мир-системном подходе представлена туманными предположениями. Здесь вероятными представляются две траектории. Первая из них — это путь выравнивания возможностей экономического

развития между странами-лидерами и странами-перифериями на основе разумного выбора. Вторая — путь создания достаточно жестких иерархических социальных структур, позволяющий сохранить «несимметричное» распределение экономических возможностей, средств и доходов между элитами и остальными группами, между центрами и перифериями. Говорится и о возможных траекториях дальнейших социальных изменений, и о социально-политической дилемме, которую придется решать в рамках грядущих кризисов капиталистической мир-экономики, и о бифуркации, которую предстоит вскоре пережить современной мир-системе и т.д. Перспектива разумного выбора, как и создание жестких иерархических структур, которые бы позволили сохранить «несимметричное» распределение экономических возможностей между центрами и перифериями, весьма проблематична в условиях нехватки ресурсов.

Рассматривая историю человечества как независимый от воли и сознания людей естественный процесс, теория общественно-экономических формаций имеет немало сторонников, как, впрочем, и противников. По степени критического настроя по отношению к учению Маркса и Энгельса можно выделить два главных направления. Представители первого полагают, что основные положения марксистского подхода к истории не выдержали проверки историческим опытом, и поэтому оно не может дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения многим явлениям в мировой истории. Представители второго — отрицают необходимость такой замены. Они считают, что марксизм сохраняет свое значение как философско-историческая теория, хотя и нуждается в некотором обновлении. Напомним о том, что теория общественных формаций, созданная Марксом, не изложена им специально в какой-то отдельной работе или цикле работ. В разных произведениях создатель формационного подхода озвучивал различные разграничительные критерии: движение и отмирание исторических форм отчуждения труда; формы собственности, которые выражают различные ступени в развитии разделения труда; способ производства материальной жизни; форму, в кото-

рой прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего; особый характер и способ соединения работника и средств производства⁸⁷. Так же неоднозначно Маркс характеризовал и ступени общественно-исторического развития. В одних случаях он говорит об архаической, экономической (*все антагонистические общества*) и коммунистической общественных формациях. В других он выделяет ступени: докапиталистическая, капиталистическая, коммунистическая. Есть и иные варианты деления ступеней исторического процесса — дифференциация на предысторию и подлинную историю. Выше уже отмечалось, что в зависимости от того, какой вид ресурса определяет воспроизводство непосредственной жизни, в основном обусловлен процессом развития — процессом развития производительных сил. В свою очередь, та или иная природная основа определяет системные свойства общественной организации — структуру производственных отношений. Поэтому в качестве основания периодизации истории следует признать первичными (*не производными ни от чего*) отношения «человек-природа», определяющие и отношения «человек-человек».

В исторической науке, как известно, сложились два основных подхода. Первый состоит в том, что из множества факторов выделяется один, который объявляется основообразующим, обуславливающим магистральный путь исторического развития. Это — однофакторный подход. Согласно второму — исторический процесс определяется множеством в принципе одинаково важных факторов. Это многофакторный подход. Многофакторные концепции общества и истории не поддаются сколько-нибудь точной классификации. "Ничего хорошего ждать от внедрения в нашу историческую науку многофакторного подхода не приходится, — замечает Семенов. — Он не только не позволяет понять ход исторического процесса, но, наоборот, исключает такую возможность"⁸⁸. Однофакторный подход не исключает существование иных (*кроме выделенного основополагающего*) факторов, но они лишь влияют на особенности общества (*отличают, например, французов от англичан,*

а англичан от немцев). Определяет же их коренную особенность только один фактор — основополагающий.

В отечественной исторической науке наибольшее распространение получил формационный подход, в трактовке которого понятие формации «привязывалось» к способу производства. Общественное развитие представлено как цепочка: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая формации. Данная периодизация вошла во все учебные и справочные издания. На основе предложенного выше, ступени общественно-исторического процесса следует представить несколько по-иному: докапиталистическая, капиталистическая и коммунистическая. При этом определяющим фактором периодизации выступает отношение «человек-природа». Этот критерий определяет членение истории на общественно-экономические формации. В рамках этой периодизации на основе критерия отношений «человек-человек» она предстает как первобытнообщинный, рабовладельческо-феодальный, капиталистический, социалистический и коммунистический способы производства. Определяющий фактор — количественные накопления и качественные изменения в производственных отношениях, в соотношении «производство — распределение», «обмен — потребление» в их общем объеме. Этот критерий определяет членение общественно-исторического процесса по способу производства.

Если представить исторический процесс в терминах развития противоречия, а именно: как тождественное состояние сторон — человека и природы (*первобытнообщинный строй*); этап различия (*рабовладение и феодализм*); степень противоположности между человеком и природой, который отрицает последнюю (*капитализм*); этап отрицания отрицания, этап преодоления самого себя, своей сложившейся природы (*социализм*) и кульминационную ступень, ступень действительного разрешения противоречия между человеком и природой (*коммунизм*), то социализм представляется как самый сложный и трудный период в общественном развитии, значительно отличающийся от коммунизма. Короче говоря, это положение существенно меняет пред-

ставление о социализме. Оно не может быть прогнозируемо как благостное состояние будущего человеческого общества.

"Историю человечества, — справедливо отмечает Ю. Семенов, — ни в коем случае нельзя рассматривать как простую сумму историй социоисторических организмов, а общественно-экономические формации — как одинаковые стадии эволюции социально-исторических организмов, обязательные для каждого из них. История человечества есть единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего являются стадиями развития этого единого целого, а не отдельных социально-исторических организмов. Формации могут быть стадиями в развитии отдельных социоисторических организмов, а могут не быть ими. Но последнее ни в малейшей степени не мешает им быть стадиями эволюции человечества"⁸⁹.

Опыт построения социализма в СССР. Царская Россия в начале XX века (*в реальности, а не в фантазиях современных ретроманов*) оставалась отсталым государством. Конечно, в сравнении, например, с Китаем она выглядела почти прилично. После отмены крепостного права начала развиваться промышленность, стала модернизироваться социальная структура общества, появились ростки некоторых политических институтов. Однако все эти сдвиги носили поверхностный характер. Существует множество разных цифр и оценок относительно состояния и перспектив развития капитализма в России. Одни из них — негативные оценки, которые, как считают некоторые современные историки, образовались под влиянием марксистских мировоззренческих установок. Можно подумать, что ныне что-то изменилось в этом плане и позитивные оценки формируются идеологически беспристрастно. Поэтому приведем лишь некоторые исторически общеизвестные факты, свидетельствующие об уровне политического, экономического и технического «могущества» России в тот период.

Прежде всего отметим некоторые особенности развития капитализма в России. Российский капитализм возник как капитализм периферийный, находящийся в зависимости от Запада. С финансовой стороны в виде займов, ко-

торые предоставлялись царскому правительству и использовались в разных целях, включая, конечно, и вложения в производство, соответственно, и неимоверно большие долги. Весь русский государственный долг на начало 1900 года определен в 6150 млн. золотых рублей, из которых около половины приходилось на границу. В последующие годы внешний долг России продолжал нарастать, а вместе с ним непрерывно усиливалась зависимость от Запада. Весь государственный долг России на начало 1914 года составлял 12725 млн. рублей, из которых внешний долг — 5404 млн. "Никогда в мировой истории ни одна страна не имела такого громадного внешнего долга, как Россия"⁹⁰. Под контролем иностранного капитала находились добыча железной руды, марганца, угля, нефти, платины, металлургическая, электрическая, электротехническая промышленность. А также и с технологической стороны. Промышленное развитие в конце XIX — начале XX века в России было лишено системности, что обусловило пробелы развития, прежде всего в области более совершенных технологий, а также огромную разницу в динамике отдельных производств и отраслей промышленности. К другим особенностям индустриальных преобразований в России на этом рубеже веков следует отнести значительную роль государства, которому приходилось использовать опыт монополий в области налаживания производственной кооперации и создания контрольно-распределительного аппарата.

Итак, первый исторический факт — Русско-японская война 1904-1905 годов, в которой Российская империя (*со всеми «достижениями» капиталистической экономики в ней*) потерпела сокрушительное поражение (*несмотря на беззаветную отвагу в боевых действиях и героизм офицеров и нижних чинов*). На катастрофические результаты военных действий оказали негативное воздействие вопиющая военно-техническая отсталость России, несовершенство управленческих структур государства, распространенность в военной среде казнокрадства и взяточничества, просчеты в непосредственной подготовке армии и флота к войне с Японией. Внешнеполитическим итогом поражения России в войне против Японии явился подписанный мир в

Портсмуте (США), по которому Россия лишалась южной части Сахалина (до 50-й параллели), уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артуром и Дальним, участок железной дороги от Порт-Артура до Чанчуня и др. А внутривластным итогом — массовые народные волнения и революция 1905-1907 годов, которая была подавлена жесточайшим образом, за что, собственно, царь и получил от современников прозвище «Николай Кровавый».

Конечно, в последующие годы были предприняты некоторые меры по реформированию политической жизни, экономической сферы, а также и военно-технической. Новым явлением в политической жизни России стало образование Учредительного собрания, Государственной думы, учреждение Совета министров, активизация деятельности политических партий и др. Однако все эти нововведения не привели к существенным изменениям, поскольку преобразования осуществлялись консервативной властью, медленно и путем ограниченных реформ. Короче говоря, они не внесли каких-либо осязаемых перемен в существо положения дел.

Второй исторический факт, свидетельствующий о реальном состоянии дел в области экономики и военно-технической сфере, — Первая мировая война и катастрофическое поражение Российской империи в ней. Отечественная промышленность не смогла удовлетворить потребности фронта в вооружении. По признанию военного министра царского правительства генерала Поливанова, России недоставало "тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны, и более всего тех отраслей, которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения"⁹¹. Индикатором крайней слабости российской экономики может послужить и продовольственный кризис. Перебои в снабжении городов продуктами питания и сопряженный с этим рост дороговизны обозначились уже в 1915 г., что создало крайне опасную для существующего режима ситуацию. Все причитания о том, что возросшее революционное движение (и особенно активизация деятельности «большевиков») якобы воткнуло «нож» в спину уже вот-вот по-

беждавшей в войне России безосновательны. Царская Россия потерпела сокрушительное поражение в этой войне в силу экономической и военно-технической отсталости, а также общественно-политической неразберихи. За два с половиной военных года сменилось 4 председателя Совета министров и 4 военных министра (*кроме того, 4 министра земледелия, 4 обер-прокурора Синода, по три министра юстиции, иностранных дел, путей сообщения*), что окончательно дестабилизировало и парализовало всю систему управления в стране. 23 августа 1915 года Николай II принял на себя ответственность Верховного главнокомандующего. И не случайно, что на вопрос о желательности отречения Николая II от престола положительно ответили все командующие фронтами, устав от его бездарной деятельности. По поводу небывалого «могущества» России в этот период не хочется даже и спорить. Причин, почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну достаточно много. Фатальная судьба Российской империи была всецело предрешена ее отсталой полуфеодальной хозяйственной системой в целом и неадекватным управлением государством. Неудачи на фронтах, экономическая разруха, порождённая войной, обострение нужд и бедствий народных масс привели к массовым выступлениям против правящей династии. Бесконечно прав обыкновенный блогер, написав про Николая II следующее: "Если бы все было в шоколаде, никаким революционерам не удалось бы его свалить".

Первая мировая и Гражданская войны обернулись для России подлинной трагедией. Общий ущерб, нанесенный экономике, превысил 50 млрд. золотых рублей. К 1920 г. промышленное производство (*в сравнении с 1913 г.*) сократилось в 5-7 раз. Продукция сельского хозяйства составляла 60% от довоенной (*значительно уменьшились посевные площади под зерновыми и техническими культурами, сократилось животноводство*)⁹². Разоренная войной деревня не обеспечивала промышленные центры продовольствием. Были разорены топливная, металлургическая, машиностроительная отрасли промышленности. Велики были и людские потери: за 1917–1920 гг. страна потеряла около 10 млн. человек. Потери в мировой войне не могут быть опреде-

лены сколько-нибудь точно, поскольку из-за революции и Гражданской войны итоговые официальные цифры так и не были установлены, а текущий учет отличался большой неполнотой⁹³. По образному замечанию Ленина, после войны Россия представляла собой до полусмерти избитого человека.

Решение поставленных обстоятельствами перед разоренной страной первоочередных задач (*восстановление народного хозяйства*) большевики в целом видели на путях расширения и углубления политики «военного коммунизма». Однако трудности, возникшие в начале 20-х годов (*засуха в Поволжье, на Украине, Северном Кавказе, а также в ряде губерний центральной России, голод и безработица, сопротивление мелких товаропроизводителей продразверстки*), вынудили отказаться от попытки расширить практику «военного коммунизма» в условиях мирного времени. Первым актом новой экономической политики стал Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., заменявший продразверстку продналогом. Стратегическими целями НЭПа объявлялись восстановление хозяйственных связей города и деревни, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, а его сущность заключалась в частичном восстановлении рыночной экономики при сохранении командных рычагов в руках партийного и советского руководства. Период с 1921 по 1925 год связан с восстановлением народного хозяйства и созданием исходных позиций для реконструкции экономики.

К начальным условиям индустриализации в нашей стране следует отнести то, что подавляющее большинство населения (*около 80%*) было занято не промышленным, а сельскохозяйственным трудом (*по примерным подсчетам В. Ленина, в 1913 году индустриальный пролетариат составлял всего 3643,3 тыс. человек*), а также доминирование распределительного принципа отношений во всех сферах экономической жизни. Исследователи отмечают, что специфика начала развития капитализма в России — неразвитость товарного производства и отношений обмена. Реформы 1860–1870-х годов хотя и повысили мобильность рабочей силы, однако они не создали внутреннего рынка, который через покупательную способность и возможности населения

в области сбережений мог бы повлиять на промышленный подъем. Низкий начальный уровень экономического развития и мало в чем изменившаяся форма общественной связи определили причину того, что капитализм, который развивался в России, — это государственный капитализм с высокой степенью монополизации всех отраслей и сфер хозяйственной деятельности. К главным факторам дисбаланса и неустойчивости экономического развития следует отнести прежде всего то, что в России имели место двойственность социально-экономической структуры — "промышленный капитализм в нескольких передовых отраслях и в ограниченном числе регионов, — пишет французский исследователь Н. Верт, — и архаичные структуры (которые в значительной степени можно охарактеризовать как феодальные) в деревне" а также "колоссальный разрыв между сельским хозяйством... и ростом промышленности"⁹⁴. Развитие же промышленности в значительной степени зависело от государственных заказов, так как недостаточно стимулировалось внутренним рынком. С этим обстоятельством некоторые ученые связывают особенности дальнейшей эволюции советской экономики, ее движение к планомерности (*как продолжение дореволюционных тенденций*).

В данной ситуации наиболее привлекательной стала модель развития, которую экономисты называют «мобилизационно-распределительной», нацеленная на интенсификацию и концентрацию всех наличных резервов во имя достижения поставленной цели, а именно: осуществить своими силами модернизацию экономического базиса, а вместе с тем и всех надстроечных структур⁹⁵. Альтернативы, какими темпами следовало бы осуществлять реконструкцию экономики в обстановке надвигающегося очередного передела мира, как представляется, не существовало, как не существовало альтернативы и в вопросе, за счет кого (*хотя дискуссий по поводу поиска способов строительства новой жизни, протекающих в острой идейной борьбе, было предостаточно*). История поставила новую Россию перед выбором: либо создать в кратчайшие исторические сроки социально-экономическую и техническую базу и выжить, либо погаснуть и остаться в памяти народов в лучшем

случае лишь героическим, но неосуществленным социальным экспериментом.

Истории в то время был известен единственный путь построения индустриального общества — через первоначальное накопление (*через "экспроприацию непосредственных производителей, т.е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде"*⁹⁶), а этот этап, как известно, Россия по сути не проходила. В конце 20-х — начале 30-х гг. реальной экономической базы обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, возможности обращения государственно-капиталистической монополии на пользу всего народа не существовало. Ее необходимо было еще создать. Поэтому коллективизация — превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные — это не только меры, направленные на повышение темпов роста сельскохозяйственного производства, но и экспроприация народной массы, которая образует пролог истории образования любого капитала, в том числе и государственного. Осуществление планов индустриализации требовало все больше и больше материальных и трудовых ресурсов и означало практически безвозмездную перекачку средств из сельского хозяйства в промышленность. Что касается насилия и жестокости при проведении подобных мер, то здесь советуем заглянуть в историю становления капитала хотя бы той же Англии.

Первые годы индустриализации (1926–1928 гг.) были периодом накопления опыта, формирования кадров, всесторонней подготовки к великой индустриальной революции. В 1928 году комиссия ВСНХ разработала первый пятилетний план развития народного хозяйства (1928–1932 гг.), который предусматривал создание 1500 новых предприятий. Среди них такие гиганты индустрии, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове, Челябинске, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, завод комбайнов в Запорожье, автозаводы в Москве и Нижнем Новгороде, заводы химической промышленности и т.д. Первый пятилетний план был выполнен, несмотря на сильную за-

суху, неурожай и массовый голод (1931/32 гг.) в ряде районов РСФСР и на Украине. Объем промышленной продукции увеличился в 2,7 раза по сравнению с 1913 годом, а ее удельный вес в народном хозяйстве составил 70% против 48% к началу пятилетки⁹⁷.

За годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) были введены в строй 4500 промышленных предприятий, которые в 1937 г. давали до 80% всей промышленной продукции в СССР, выросшей более чем в два раза по сравнению с 1932 годом и почти в 6 раз по сравнению с уровнем 1913 года. В сельском хозяйстве к концу пятилетки работало 456 тыс. тракторов, 128 тыс. комбайнов, 146 тыс. грузовых автомашин. Выросла валовая продукция сельского хозяйства. Выполнение второй пятилетки позволило значительно улучшить материальное положение трудящихся: национальный доход вырос до 96,3 млрд. рублей против 21 млрд. в 1913 году, уровень народного потребления вырос в 2 раза, а фонд заработной платы — более чем в 2 раза⁹⁸.

Третий пятилетний план (1937–1942 гг.) предусматривал быстрые темпы развития народного хозяйства: национальный доход должен был возрасти с 96,3 млрд. до 174 млрд. рублей, т.е. его прирост за пятилетку предусматривался больше, чем за первые две пятилетки, вместе взятые. И этот план успешно выполнялся: за три года было введено в строй около 3 тыс. новых предприятий; к середине 1941 года промышленная продукция СССР достигла 86% от уровня, намеченного на конец пятилетки. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции в годы третьей пятилетки составил 13%. В области сельского хозяйства намечалось довести сбор зерна до 8 млрд. пудов, значительно увеличить поголовье скота и выход товарной продукции. Продукция сельского хозяйства должна была вырасти более чем в 1,5 раза⁹⁹.

Кардинально изменились за эти годы структура и качественный состав населения. Для неуклонного подъема промышленности нужны были квалифицированные кадры, а народонаселение страны в подавляющем большинстве было недостаточно грамотно, что создавало серьезные трудности при подготовке кадров рабочих, техников, инженеров. За первое десятилетие Со-

ветской власти было обучено грамоте до 10 млн. взрослых. За годы второй и третьей пятилеток в Советском Союзе среди взрослого населения неграмотность в основном была ликвидирована. В годы социалистической индустриализации кадры рабочего класса прирастали за счет выходцев из деревни и естественного воспроизводства рабочего населения. Страна переживала острую нехватку инженерно-технического состава в промышленности. В 1928 году в ней работало 13,7 тыс. инженеров — 0,52% к общему числу рабочих. Для решения этой задачи были открыты новые высшие учебные заведения и расширены старые. Декретом Совнаркома от 2 августа 1918 года были уничтожены существовавшие в дореволюционной России ограничения для поступления рабочих и крестьян в ВУЗы. Для подготовки молодежи к поступлению в высшую школу были созданы рабочие факультеты (*рабфаки*) — особый тип средних учебных заведений. За время своего существования они подготовили 2327 тыс. человек для поступления в высшую школу. В 1939/1940 гг. в Советском Союзе насчитывалось 3730 техникумов с общим числом учащихся свыше 1 млн. При этом подавляющая часть студентов получали государственную стипендию. Уже в 1933/34 гг. в СССР насчитывалось 714 ВУЗов — почти в 7 раз больше, чем в царской России накануне Октябрьской революции. В канун Великой Отечественной войны в Советском Союзе студентов было больше, чем в 22 странах Европы, вместе взятых, включая Англию, Францию, Германию, Италию и др. В 1940/41 г. в советских ВУЗах обучалось 812 тыс. человек¹⁰⁰.

22 июня 1941 года без предъявления каких-либо претензий, без объявления войны вооруженные силы фашистской Германии (*и ее сателлитов*) вероломно вторглись в пределы СССР, получив в результате внезапности нападения значительные, хотя и временные преимущества. Началась Великая Отечественная война. В нашу задачу не входит описание боевых действий Красной (*Советской*) Армии, хотя они и заслуживают этого в силу массового героизма, проявленного в них. Битва за Москву, блокада Ленинграда, Сталинградское сражение, бои за Одессу, оборона Севастополя, схватка на Кур-

ской дуге, Белорусская операция и многие другие вызывают чувство величайшей гордости и преклонения перед памятью сражавшихся воинов. Однако это могло и не случиться, если бы не самоотверженный труд всех советских людей, содержание жизни которых в эти годы стал определять лозунг «Все для фронта, все для победы». Надо сказать, что, развязав вторую мировую и поработив ряд европейских стран, Германия значительно увеличила свой промышленный и военный потенциал. Промышленность Польши, Франции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Чехословакии попала в руки фашистов без существенных повреждений. За счет этих стран Германия значительно усилилась, используя для увеличения военно-экономического потенциала их промышленность, сельское хозяйство, рабочую силу, сырьевые источники. Практически же промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны противостояла промышленность всей Европы. Кроме того, никогда ранее ни одна армия мира не захватывала в таком огромном количестве военную технику, как Вермахт за время, например, Французской кампании 1940 г. История не знает и примера, чтобы трофейное оружие в столь большом количестве принималось на вооружение армии-победительницы.

Отступление советских войск (*на начальном этапе этой войны*) потребовало осуществления срочных мер по эвакуации (*невиданных в истории масштабах*) производительных сил СССР из многих районов. Миллионы людей, многочисленные заводы, фабрики, эшелоны с уникальными произведениями искусств двинулись на восток. К весне 1942 года в восточных районах СССР было размещено 7417 тыс. эвакуированных. По данным учета НКПС (*Наркомата путей сообщения*), в течение второго полугодия 1941 года было переброшено в тыл 2539 промышленных предприятий. "Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 года и ее «расселение» на востоке, — писал британский публицист А. Верг, — следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны"¹⁰¹. Перевод всей промышленности на военные рельсы занял около года. К концу 1942 года в результате огромной орга-

низаторской деятельности Советского правительства и трудовых усилий советского народа было создано слаженное, быстрорастущее военное хозяйство. К концу 1941 года в народном хозяйстве резко сократилась численность рабочих и служащих (*в результате вражеской оккупации огромной территории и призыва военнообязанных в Красную Армию*). На производство пошли женщины, подростки, люди преклонного возраста. Страна Советов оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Она лишилась территории, на которой в предвоенные годы добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна, 58% стали, производилось 60% алюминия, собиралось 38% зерна, вырабатывалось 85% сахара и т.д. Вся тяжесть военного снабжения легла на Урал, Сибирь, Дальний Восток и среднеазиатские республики¹⁰².

Через год после начала войны советская промышленность, преодолевая громадные трудности, смогла не только восстановить утраченные мощности, но и значительно превзойти их. К лету 1942 года на востоке СССР было восстановлено свыше 1200 крупных эвакуированных предприятий различных отраслей промышленности. Неизмеримо возросло значение Урала, ставшего становым хребтом обороны страны Советов. В 1942 году валовая продукция всей промышленности на Урале по сравнению 1940 годом увеличилась в 2,8 раза, выпуск военной продукции — более чем в 5 раз. В течение последних трех лет войны советская промышленность добилась среднегодового производства больше, чем в Германии: самолетов — в 2 раза, танков — почти в 2 раза, орудий — в 4 раза, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза¹⁰³.

9 мая 1945 года советский народ отметил свою победу. Во время Великой Отечественной войны страна потеряла около 27 миллионов своих граждан и более 30% национального богатства. Объективное изучение истории второй мировой войны показывает, что фашистская Германия потерпела поражение в войне не в силу тех или иных ошибочных стратегических решений (*хотя они имели место и влияли на ход войны*), а в силу недооценки экономического, военного и политического потенциалов Советского Союза, способности советского народа защитить свою свободу и независимость.

Немецкие захватчики оставили после себя страшные опустошения. В развалинах лежали многие города и селения Советского Союза. Ни одно государство за всю историю человечества не имело таких потерь. В марте 1946 года был принят закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Его основные задачи состояли в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства. Важнейшее место в нем уделялось электростанциям, угольной промышленности и металлургии юга страны. По значимости восстановительных работ первое место занимала Днепрогэс. Были достигнуты значительные успехи в развитии советской науки. Советские ученые разработали методы производства атомной энергии и применения ее как в военных, так и в мирных целях. В годы четвертой пятилетки в СССР впервые в мире началось строительство атомной электростанции. В строй вступило 6200 восстановленных и вновь построенных промышленных предприятий. Валовая продукция промышленности выросла на 73% по сравнению с довоенным уровнем. Восстановлено и построено в городах и рабочих поселках жилых домов полезной площадью свыше 100 млн. м², а в сельской местности — 2,7 млн. жилых домов¹⁰⁴.

Одной из наиболее сложных задач, которые встали перед советским народом после окончания Великой Отечественной войны, было восстановление сельского хозяйства. Особенно тяжело на положении в деревне сказывались потери в людях. Многие сельские труженики погибли на фронтах и были уничтожены оккупантами на захваченной территории. Кроме того, за годы войны немало сельского населения перешло на работу в промышленность, на строительство. Число трудоспособных колхозников к началу 1946 года сократилось на треть, а число трудоспособных мужчин — более чем в 2,5 раза. Ослабление материально-технической базы, сокращение трудовых ресурсов отразились на колхозном производстве. Сократились посевные площади, снизилась урожайность всех культур, продуктивность животноводства. Валовая продукция сельского хозяйства в 1945 году была на 40%

ниже довоенного уровня. К тяжелым последствиям войны добавились неблагоприятные метеорологические условия, сложившиеся в первый год пятилетки. В 1946 году Молдавию, Украину, Центрально-Черноземные области, Нижнюю Волгу, Северный Кавказ охватила засуха, превосходившая по силе засуху 1921 года. И все же, обновление и укрепление материально-технической базы сельского хозяйства позволило колхозному крестьянству при меньшем количестве рабочей силы решать стоящие перед ними задачи. К концу пятилетки восстановление сельского хозяйства в основном было закончено. Его валовая продукция в 1950 году составила 99% довоенного уровня. За пятилетие валовой сбор зерновых культур увеличился в 1,7 раза, больше, чем в 1940 году производилось основной продукции животноводства. В декабре 1947 года в СССР была отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары¹⁰⁵.

В начале 50-х гг. были утверждены директивы по пятому пятилетнему плану (1951–1955 гг.). Это был план нового подъема всех отраслей народного хозяйства страны. Общий объем промышленного производства предстояло увеличить за пятилетие на 70%, по тяжелой индустрии — на 80%, по производству предметов народного потребления — на 65%. Предусматривалось ввести в действие ряд крупных гидроэлектростанций (*Куйбышевскую, Камскую и др.*) и построить 3200 крупных промышленных предприятий. В области сельского хозяйства намечалось дальнейшее повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур и прежде всего валовой сбор зерна на 40–50%, увеличение общественного поголовья скота, завершение механизации основных работ в сельском хозяйстве¹⁰⁶. Выполнение 4-го и 5-го пятилетних планов позволило бы значительно превзойти довоенный уровень экономического развития страны. В 1955 г. стоимость всех производственных основных фондов по сравнению с 1940 г. должна была увеличиться в 2 раза, национальный доход — в 2,8 раза¹⁰⁷.

5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин. С этого момента попытку строительства социализма в нашей стране можно считать законченной. Начался распад

страны (*из-за некомпетентности и предательства первых лиц последующего руководства страны*), которая попыталась его построить.

Вошедший в историю как борец с «культом личности Сталина» Хрущев сам раздул такой же культ собственной личности. В предвоенные годы он был одним из тех, кто активно поддерживал репрессии. 25 февраля 1956 года, Хрущев выступил на закрытом заседании XX съезда партии с докладом «О культе личности и его последствиях». Пафос доклада заключался в том, чтобы обличить Сталина и переложить на него всю ответственность (*и обелить себя!*) за ошибки и просчеты компартии в ее деятельности по руководству страной. В вопросах теории он, по образному выражению В. Молотова, был «сапожник». Его фраза о том, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме", произнесенная им на XXII съезде КПСС, свидетельствует о полном непонимании им ни вопросов теории, ни практики строительства социализма. Политическое прожектерство и волонтаризм 1-го секретаря ЦК КПСС Хрущева делали внешнюю и внутреннюю политику государства крайне непоследовательной.

Брежнев — классический партийный функционер. По свидетельству академика Арбатова, говорил своим помощникам: "Пишите проще, не делайте из меня теоретика, ведь все равно никто не поверит, что это мое, будут смеяться". Даже просил вычеркивать цитаты классиков марксизма: "Ну кто поверит, что Брежнев читал Маркса?" [См.: [http://referatyk.com/istoriya/4265-leonid_brejnev_\(1906-1982\).html](http://referatyk.com/istoriya/4265-leonid_brejnev_(1906-1982).html)]. К слову сказать, среди многих наград, он был награжден Золотой медалью Карла Маркса как классик марксизма-ленинизма. "Именно эта персона стала своеобразной «матрицей» для воссоздания себе подобных в новых поколениях, — пишет С. Грабовский. Именно при Брежневе и под его крылом номенклатура стала служить не государственным интересам..., а сама себе, своему обогащению... Именно тогда расцвела безумная коррупция... Именно тогда «стали на крыло» банкиры-комсомольцы, во время перестройки успешно променявшие «Капитал» на капитал" [См.: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/ilichno-dorogoy-leonid-ilich>].

"Только Дьявол мог подобрать время и прислать своего подручного в СССР, — образно и верно замечает Ю. Богуславский, — поставив ему задачу уничтожить великую страну" [<http://www.proza.ru/2015/07/10/1699>]. Тот урон, который был нанесен нашей стране Горбачевым, не поддается измерению. Под покровом словоизвержений про «перестройку», «новое мышление» он подло и нагло сдавал великую страну и поверивших ему сограждан. Это политик без твердых убеждений, без четкой позиции по каждому вопросу, без ясной концепции и ориентиров. Такую оценку дал ему Дж. Киркпатрик (*бывший постоянный представитель США при ООН*). Горбачева следовало бы четвертовать (*как это делали наши предки за нанесение урона чести страны*) только за одну мерзопакостную историю, которая произошла в начале 1991 года в Южной Корее. Там первое лицо страны получил взятку от тогдашнего южнокорейского президента Ро Дэ У. А сколько их было потом? Циничный, хитрый и жадный Горбачев, будучи главой государства, всячески блокировал любые действия по признанию незаконным соглашения (*подписанного министром иностранных дел СССР Шеварднадзе и госсекретарем США Бейкером*), по которому США безвозмездно «обрели» более 47 тыс. км.² акватории Берингова моря, богатой рыбой и углеводородами. Не вызывает сомнения, что личное вознаграждение Горбачева за эту «услугу» выразилось в очень солидной сумме. Никогда и никаким коммунистом он не был, в конечном счете, объявил себя социал-демократом. Итог его деятельности — разрушение того, что создавалось многими поколениями русских и советских людей.

Ельцин (*обыкновенная пьянь*) не заслуживает того, чтобы о нем было что-то написано. Какую цену заплатила Россия за «либеральный» эксперимент над собой в приснопамятные девяностые, с легкой руки разудалых творцов его реформ, названных «лихими», мы знаем. За стакан самогона он был готов продать и фактически продал страну, пропил ее.

К внешним факторам этого процесса следует отнести постоянное давление на СССР со стороны капиталистических держав — политическое, экономическое, военное, а также и информационное. Конечно, материально народы СССР жили гораздо скуднее, чем, скажем, жители Америки. Однако нельзя не учесть исторические условия, в которых развивались страна Советов и США. Одна сторона подвергалась непрерывным провокациям, несла тяжелейшее бремя войн и разрушений, другая, отгороженная океаном от вражеских нашествий, наживалась на любой войне. За период с 1917 г. по 1953 г. Советской власти добрая половина лет ушла на войну и послевоенное восстановление народного хозяйства. И, тем не менее, СССР в экономическом развитии прошел путь, для преодоления которого многим странам понадобились бы столетия. И.В. Сталин, по образному выражению У. Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил ее с атомным оружием. К середине 50-х годов СССР вышел на второе место в мире по производству промышленной продукции и на второе место в мире по КИМ (*коэффициенту интеллектуализации молодежи*).

Фактор внешнего давления на СССР сыграл, безусловно, значительную роль в его распаде. Однако не он явился определяющим. Главная причина неудавшегося построения социализма в СССР — это внутренний фактор. Проблема в том, что социализм (*в существующих представлениях*) предполагает присутствие в структуре общественных отношений большой доли распределительной составляющей — основы власти бюрократии. С одной стороны, планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, с другой, распределение материальных благ. Бюрократию Маркс квалифицирует как формализм государственности, под прикрытием которого она, владея этим государством как своей частной собственностью,

преследует свои сугубо материалистические корпоративные цели, создает механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, культивирует иерархию знаний, тайну своей корпорации, обоготворяет авторитет. "Бюрократия составляет... особое, замкнутое общество в государстве", считает самое себя конечной целью государства, имеет в своем обладании государство — "это есть ее частная собственность"¹⁰⁸.

Это недостаток, считал основоположник марксизма, "но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу"¹⁰⁹. Проблема бюрократии у Маркса выступает как проблема соотношения всеобщего и частных интересов, и ее упразднение "возможно лишь при том условии, что *особый* интерес становится в действительности *всеобщим*"¹¹⁰. Понимание величайшей опасности бюрократии для существования социализма послужило в марксизме основанием для вывода о постепенном отмирании государства и переходе к общественному самоуправлению. "...Способ производства, присвоения и обмена, — писал Ф. Энгельс, — будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства", переросших "всякий другой способ управления ими, кроме общественного"¹¹¹.

Мобилизационно-распределительная модель развития (*в целях обеспечения эффективного функционирования*) нуждается во встроенном в нее аппарате репрессивной направленности для того, чтобы, может быть, не в полной, но значительной мере нейтрализовать власть бюрократии. Маркс в работе «Критика Готской программы» дает вполне понятное определение переходному периоду (*социализму*). "Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*"¹¹².

НКВД 30-х — 40-х годов и репрессии по всему полю политической, экономической и других сфер жизни страны Советов — это не личностная особенность И.В. Сталина, а объективная необходимость — необходимость осуществления воли той самой революционной диктатуры. И нет нужды теоретикам от социализма здесь ничего придумывать с «новых научных позиций» по поводу социализма с так называемым «человеческим лицом».

Суть положения нашей страны на тот период предельно точно выразил И.В. Сталин. В 1931 г. он писал: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"¹¹³. В Политическом Отчете ЦК XVI съезду партии он говорил об опасности бюрократизма, которая состоит в том, что бюрократизм держит под спудом колоссальные резервы, старается свести на нет творческую инициативу масс, ведет дело к тому, чтобы каждое новое начинание превратить в мелкое и никчемное крохоборство. И задача состоит в том, чтобы ликвидировать бюрократические «нравы» и «обычаи». Эту нелегкую проблему нужно разрешить во что бы то ни стало, если мы хотим действительно преобразовать нашу страну на началах социализма. В том же докладе он говорил и о репрессиях. Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления (*наступления социализма*), но элементом вспомогательным, а не главным. Главное же состоит в усилении темпа развития нашей промышленности.

Сегодня довольно часто приходится слышать от рафинированной либеральной интеллигенции, что мы заплатили непомерно высокую цену и за индустриализацию, и за победу в Великой Отечественной войне, что можно было бы обойтись и без этого. Да, это так, народы нашей страны заплатили очень высокую цену за свое будущее. Однако хорошо известно, какую цену пришлось бы заплатить народам СССР, не заплатив ту высокую цену и за индустриализацию, и за общую их победу в Великой Отечественной войне. И вряд ли кто в здравом уме решится оспорить тот факт, что, если бы не было первого — индустриализации, не было бы и второго — нашей победы над

фашизмом. Не будь такой высокой ответственности (*за свои слова и деяния*) и жесточайшей дисциплины в толще народной массы, вряд ли можно было бы рассчитывать и на успехи в индустриализации, и на победу в Отечественной войне. Напомним, что свободная Франция, например, сопротивлялась натиску нацистской Германии 1 месяц и 12 дней, Польша — 27 дней, Дания — 6 часов. А итогом сражений СССР с фашистской Германией (*а по существу со всей экономической мощью Европы*) явилась ее капитуляция.

Можно подумать, что так называемые «демократические ценности» внедрялись в жизнь в белых перчатках. Основой индустриализации развитых капиталистических стран был обыкновенный грабёж. Не будем вспоминать в подробностях историю образования, например, США — самой «демократической» страны в мире, которая на алтарь своего благополучия положила весь коренной народ этой страны — практически уничтожила его и продолжает уничтожать другие народы и ныне.

История показала: как только «карающий меч революции» был девальвирован — исчез и тотальный контроль над властью бюрократии, который стал осуществляться лишь в форме партийных органов и созданных ими некоторых государственных структур (*Хрущев*) — появилась «теневая» экономика, которая в дальнейшем (*Брежнев*) как раковая опухоль разрослась и стала срращиваться с партийным и государственным аппаратом. Для того чтобы без боязни воспользоваться «нажитыми» теневыми капиталами, бюрократии понадобилось отсутствие всякого контроля. Когда же это стало осуществляться, под лозунгом «перестройка» (*Горбачев*), то бюрократическая надстройка начала растаскивать и буквально растащила общественную собственность по частным карманам (*Ельцин*). И вместо социализма с «человеческим лицом» страна в итоге получила оскалившуюся пасть капитализма. Дж. Сакс (*американский экономист, возглавлявший группу западных экспертов при правительстве во времена президентства Ельцина*) в статье «Порочное зачатие капитализма в России» (1997 г.) писал: "Как мне кажется, — российское руководство превзошло самые фантастические представления

марксистов о капитализме; они сочли, что дело государства служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия... Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей".

В этом, во всевластии бюрократии, оказавшейся практически бесконтрольной после смерти И.В. Сталина, и заключается основная внутренняя причина неудавшегося построения социализма и распада страны Советов.

Многие верующие (*особенно новоявленные*), отправляя церковные обряды, не понимают сути веры в Бога. "Сегодня ситуация такова, — пишет игумен Вениамин, — что почти никто из присутствующих за богослужением не может потом вспомнить содержание того, что читалось или пелось в храме... Считается, что в храме достаточно **быть**, ...Считается более важным получить нечто (благодать) через какое-либо ритуальное действие, чем задумываться над смыслом звучащих текстов. От религии при этом не ждут ответа на вопросы, связанные со смыслом жизни, а ищут элементарной помощи"¹¹⁴. Но то, что дозволено пастве, не дозволено пастырю. В Евангелие от Иоанна сказано: "Если бы вы были слепы, то не имели бы *на себе* греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас" [Ин. 9,41]. И Хрущев, и Брежнев, и Горбачев, напяливая на себя личину коммуниста, т.е. позиционируя себя зрячими в вопросах строительства социализма, оказались «слепыми вождями слепых» (*не захотели усмотреть опасную для существования социалистического общества бесконтрольную власть бюрократии*). "Они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" [Мф. 15,14]. Именно это и произошло — разрушение социализма и распад государства, которое каждый из вышеназванных лиц возглавлял.

Что касается Китая и некоторых других народных республик, то их общественный строй трудно назвать социалистическим. Производительные силы, как отмечалось, играют роль определяющего фактора исторического процесса не только потому, что обеспечивают людям производство средств

существования, но и потому, что они определяют характер материального отношения общества к природе, в соответствии с которыми строятся их производственные отношения, не только не зависящие от воли и сознания людей, но и определяющие их волю. Докапиталистическая эпоха хотя и демонстрирует нам разные состояния развития средств производства, однако при всех их изменениях ведущим ресурсом в воспроизводственном процессе остается поверхность (*плодородие*) земли, которую нельзя обменять, а можно лишь распределить. Капиталистический воспроизводственный процесс большей частью опирается на полезные ископаемые и природные энергетические ресурсы, которые распределяются и обмениваются. В обществе будущего в качестве главной основы производства выступает развитие общественного индивида, т.е. его интеллект, который нельзя распределить, а можно лишь обменять. Какой из этих ресурсов занимает ведущую роль в воспроизводстве непосредственной жизни в конечном счете определяется процессом развития — процессом развития производительных сил. В свою очередь, та или иная природная основа в главном определяет системные свойства общественной организации — производственные отношения. Докапиталистическая эпоха демонстрирует нам доминирование принципа распределения в общем объеме отношений, а вместе с тем, системные свойства общественной организации. По мере того, как происходит развитие производительных сил, а вместе с тем и изменение природной основы воспроизводства непосредственной жизни, отношения «распределения» постепенно вытесняются отношениями «обмена», при этом наряду с изменением количественной стороны соотношения «распределение-обмен» в сторону увеличения обмена, меняется и их качество (*изменение свойств и распределения, и обмена*). Капиталистическая эпоха демонстрирует равноправие принципов распределения и обмена в общем объеме отношений. В обществе будущего должен доминировать принцип обмена. Можно утверждать, что уровень взаимодействия и отношений «человек-природа» определяют и уровень взаимодействия и отношений «человек-человек». Именно это определяет объективный характер истории. Имен-

но природа определяет объективность и единство исторического процесса, задает его генеральное направление, этапы и траектории развития обществ. Ни одна общественная формация не погибает раньше, считал Маркс, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. И только то общество можно называть социалистическим, которое целенаправленно будет заниматься всесторонним развитием индивидов. "Частная собственность, — писал Маркс, — может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность"¹¹⁵.

Примерный образ будущего. Историческая концепция человеческого существования в его целостности должна включать в себя и будущее, справедливо считают философы, и без его осознания вообще не может быть философского осознания истории¹¹⁶.

Прежде всего следует сказать, что новый общественный строй, который придет на смену старому, капиталистическому, не будет спрашивать на то ни у кого разрешения. Каков он будет на самом деле, можно лишь предполагать, анализируя предшествующий ход исторического развития и те его закономерности, которые были открыты умами великих мыслителей, а также и настоящее. Касаясь вопроса о переходном периоде к новому обществу, Энгельс писал, что "это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют"¹¹⁷. Одно из проблемных положений перехода к будущему обществу, как представляется, заключается в следующем. Возможна ли свобода выбора, т.е. сознательное, направляемое разумом человека, обеспечение будущности (*на основе кооперативного начала*) или путем существенных изменений под давлением необходимости? Тейяр де Шарден, например, связывал процесс перехода к новому состоянию человечества (*к ноосфере*) с сознательной компо-

нентой. Он полагал, что человек, будучи центром перспективы пространственно-временного преобразования ткани универсума, становится одновременно центром конструирования последнего. Возможность же такого будущего (*несмотря на все достижения настоящего*) Тейяр де Шарден связывал с преодолением негативных тенденций общественного развития, с консолидацией человечества. Причиной скепсиса являлись у него интеллектуальные затруднения в постижении коллективного, в сосредоточении деятельности людей в сфере производства материального, а не духовного, внутреннего богатства. Мы думали в XIX веке, писал он, что "находимся накануне нового «золотого века», освещенного и организованного наукой, согретого братством. Но вместо этого снова начались все более глубокие и все более трагические разногласия"¹¹⁸. В. Вернадский также считал, что подлинное становление ноосферы следует связывать со способностью людей перестроить в своих интересах биосферу Земли (*с их способностью организовать свою совместную деятельность сознательно в интересах человечества как единого целого*). Становление ноосферы он связывал с социализацией, открывающей возможность для планомерного, целенаправленного развития науки и техники, максимального использования их в интересах народных масс. Несмотря на оптимизм и веру в торжество разумного, счастливого будущего человечества, у него присутствовало и сомнение. В этой связи он предупреждал: "В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление"¹¹⁹. В воплощении идеи становления подлинной истории человечества В. Вернадский предполагал возможность и такого сценария, когда переход в ноосферу может произойти в так называемом пароксизме (*приступе болезни*)¹²⁰.

После социалистической революции с установлением господства со стороны общества над социальными отношениями постепенно будет преодолевать стихийность общественного развития, считали Маркс и Энгельс. Однако и здесь социальные процессы начнут определяться объективными усло-

виями, реальными возможностями, с которыми не могут не считаться люди, и из которых они должны исходить в своих действиях. Тот облик социализма, который мы наблюдали, определяла необходимость — конкретные исторические условия. Хозяйственный механизм, в основе которого лежало планирование всех сфер социально-экономической жизни общества, оказался не менее разрушительным по отношению к природе, чем рыночный. С началом промышленного прогресса, писал Фромм, человечество чувствовало, что находится на пути к неограниченному производству и, следовательно, к неограниченному потреблению; что техника сделала нас всемогущими, а наука — всезнающими. Мы были на пути к тому, чтобы стать богами, высшими существами, способными создать второй мир, используя мир природы лишь в качестве строительного материала для своего нового творения. Люди испытывали новое чувство свободы; они стали хозяевами собственной жизни, и, свободный от всех оков, человек мог делать то, что хотел. Или думал, что мог. Но даже социализм (*под давлением общественно-исторических условий*) очень скоро превратился "из движения, целью которого было построение нового общества и формирование нового человека, в движение, идеалом которого стал буржуазный образ жизни для всех, а всеобщим эталоном мужчин и женщин будущего сделался буржуа. Предполагалось, что богатство и комфорт в итоге принесут всем безграничное счастье. Триединство неограниченного производства, абсолютной свободы и безбрежного счастья составило ядро новой религии — Прогресса, и новый Земной Град Прогресса должен был заменить Град Божий. Однако Большие надежды не оправдались. Ибо индустриальный век действительно не сумел выполнить свои Великие Обещания и все большее число людей начинают осознавать это"¹²¹.

С какими основными эволюционными свершениями связывал Маркс становление общества будущего? Во-первых, только тот общественный порядок можно назвать коммунизмом, считал он, который устраняет противоречия между человеком и природой, между человеком и человеком, очеловечивает чувства человека, делает их соответствующими общественной и

природной сущности человека. Во-вторых, коммунизм может осуществиться не путем отрицания всего мира культуры и цивилизации, не путем "возврата к *неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека*", а как "полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. *человечному*"¹²². В-третьих, становление общества будущего связывалось им с преодолением отчуждения труда, поскольку отчужденный труд человека разрывает органические связи его с природой, делая целью его индивидуальную жизнь, а не родовую. Естественно, возникает вопрос: каким образом могут осуществиться эти эволюционные изменения?

Прежде чем попытаться хоть как-то ответить на эти сложнейшие вопросы, хотелось бы привести замечательные слова Вл. Соловьева: "Если кто из вас захочет посвятить себя философии, — говорил русский философ-идеалист и богослов, публицист и поэт, — пусть он служит ей смело и с достоинством, не пугаясь ни туманов метафизики, ни даже бездны мистицизма"¹²³.

Первое. Тожественное состояние сторон «человек-природа» и «человек-человек» уже было в эпоху ранней первобытности. И если спираль эволюции вновь приблизит человека к такому отношению, то в чем должно заключаться его новое качество, которое, согласно законам диалектики, обязательно должно образоваться? В самом общем виде будущее человека можно представить такими словами из Библии: "...Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец наш Небесный питает их... И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них" [Мф. 6, 25–29]. Маркс также считал, что царство свободы "начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразно-

стью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства"¹²⁴. Но это (*тождественной состоянием*) станет вновь возможно только тогда, когда человек коренным образом изменит свою собственную природу. И никакие иные свершения не приблизят его к взаимной гармонии. Действительное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком может стать реальностью, когда человек направит вектор своей творческой активности «вовнутрь», на познание своих сущностных сил, а не на внешнюю природу. Перейдет от преимущественно предметной деятельности и изменения внешних обстоятельств к нацеленности на свой собственный внутренний мир, на самовоспитание и самосовершенствование. В этом и будет состоять новое качество этих отношений. Сейчас сложно говорить о будущем человеческом существе, которое сможет возвыситься над своей биологической основой. "Мы можем только обратиться к истории, которая имеет в своем содержании факты, говорящие о том, что были и есть люди, живущие таким образом, что они, находясь в биологической оболочке, осуществляют свою жизнь по законам духовного развития, где тело полностью зависит от духа"¹²⁵.

Законы природы мудры, пишет Г.С. Шаталова (*ученый, исследователь, главный специалист в недавнем прошлом по организации питания космонавтов в полете*). "В ней органично сливаются материальное и идеальное, малое и великое, частное и общее, все, что мы, словно малые дети, ломающие любимые игрушки, разбираем на части, на составные элементы, изучаем их, каждый в отдельности, надеясь понять принцип действия целого. Такой способ исследования преобладает сегодня и в естественных науках, и в философии, призванной осмысливать добытые учеными объективные факты. Отрицать подобный метод познания мира было бы и бессмысленно, поскольку он существует, и неразумно, учитывая значимость полученных с его помощью результатов. Но метод этот несет в себе и серьезную опасность. Беда заключается в том, что и естественные науки, и философия, не оплодотворенные духовностью, зачастую рожают настоящих монстров — таких,

например, как теория сбалансированного питания"¹²⁶. Благословив людей на потребление высококалорийных животных продуктов, данная теория, утверждает Шаталова, породила не только взрыв хронических заболеваний, но и проблему голода на нашей щедро плодоносящей Земле. "Предписывая обязательное потребление мяса и других животных продуктов, якобы жизненно необходимых человеку, внедрив эту идею в общественное сознание, «калорийщики» придали мощное ускорение развитию животноводства. Сегодня скоту скармливаются сотни миллионов тонн полноценных естественных продуктов, которых с лихвой хватило бы на обеспечение пищей не одного миллиарда людей"¹²⁷.

Ее многочисленные эксперименты, результаты которых документально зафиксированы специалистами НИИ физической культуры в беспристрастных строках официальных протоколов, доказывают, что пища не единственный источник энергии и веществ, необходимых человеческому организму. Один из уникальных ее экспериментов — 500-километровый, автономный, 16-тисуточный переход через жаркие пески Центральных Каракумов, участниками которого были Г. Шаталова (75 лет) и группа из семи человек (*бывших ее пациентов*), в прошлом перенесших тяжелые заболевания. Участники похода великолепно перенесли длительные физические нагрузки в экстремальных условиях, и не только сохранили массу своего тела, но и прибавили в ней, обходясь минимальным количеством пищи и воды (*ели один раз в день малобелковую, низкокалорийную пищу и выпивали не более одного литра воды в сутки*)¹²⁸.

Как иллюстрацию к своим экспериментам она приводит свои наблюдения за жизнью яков (*вес 700 кг.*) и кроликов (*вес 3 кг.*). Яки, как известно, обитают высоко в горах и ниже отметки трех тысяч метров над уровнем моря не спускаются. Пищей им служит растущая между камнями реденькая трава, которую зимой животным приходится добывать из-под снега. Зато атмосфера высокогорья отличается обилием легких аэрионов, которые, по всей видимости, являются решающим фактором в восполнении жизненной энергии.

Кролики же — животное равнинное, сумеречное, избегающее яркого света. Масса его тела значительно меньше, чем у яка, однако пищи он потребляет столько же, сколько и як. Зеленая масса растений, замечает она, на 9/10 создается за счет энергии Солнца и газов атмосферы, в том числе и азота. Водоразделом, который отделяет примитивные чувства чисто животного насыщения, по мнению Шаталовой, от истинных чувств наслаждения и радости жизни, является духовность. Сегодняшняя милая, обжитая, удобная цивилизация на самом деле уродлива, расточительна, губительна для человека, поскольку подменяет естественные потребности навязанными, чуждыми, искусственными и неуклонно ведет к самоуничтожению человечества. "Пока человек ставит себя вне и выше природы, лишает себя возможности обращаться к мудрости Вселенной, запечатленной в ее памяти, неизбежны новые, еще более жестокие общественные потрясения и катаклизмы"¹²⁹.

Но, может быть, растения — это единственный вид живых организмов, способных усваивать атмосферный азот и строить из него белки? Исследования ряда ученых дают основания утверждать, что это не так (*первое семя сомнений посеял еще И. Сеченов, продолжил же экспериментальную работу по сбору доказательств о возможности прямого преобразования азота воздуха в белки человеческим организмом М. Волский*). В. Вернадский писал, что пока человек в питании зависит от остального растительного и животного мира, он не может в достаточной степени быть обеспеченным, что человечество должно перейти к иному способу питания — автотрофному. Он был уверен в том, что человечество овладеет непосредственным синтезом пищи из минеральных источников. Непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ, как только будет открыт, то он коренным образом изменит будущее человека. Создание нового, автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет перед ним пути лучшей жизни. Собственно, это будет уже не человек, а какое-то другое разумное существо¹³⁰.

В средствах массовой информации имеются сообщения о так называемых солнцеедах (*людях, способных трансформировать солнечную энергию в жизненную силу, благодаря чему они частично или полностью отказались от любой еды, а в некоторых случаях и от воды*). В отличие от восточных практик, современная традиционная медицина отвергает саму возможность подобного явления. Большинство ученых сходятся во мнении, что организм человека в принципе не может функционировать без пищи и ни на какие изменения, в плане обретения способности трансформировать солнечную энергию в жизненную силу, он не способен. Однако уместно напомнить о том, что в мире существует множество явлений, которые наука не отрицает, будучи в то же время не в состоянии их объяснить.

Второе. Свою историческую миссию "возвращение человека к самому себе" коммунизм может решить не путем отрицания всего мира культуры и цивилизации, полагал Маркс, а путем сохранения всего богатства предшествующего развития. Общественное богатство, как известно, было исследовано им как многоплановое явление. Если общественное производство есть производство человека в его общественных отношениях, то и общественное богатство — это сам человек и все, что служит его физическому и духовному развитию. "Чем иным является богатство, — писал он, — как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*"¹³¹.

В своем уникальном рассказе «Шамбала Сияющая» Н. Рерих (*философ, путешественник, археолог, общественный деятель*) приводит примеры того, чего может достичь человек посредством своего самосовершенствования. И нет никаких оснований считать этот рассказ, воспроизводящий диалог с од-

ним из «святых мудрецов», каким-либо вымыслом. Чтобы достичь высоких сил, предназначенных человечеству, говорит его собеседник — буддийский Лама, человек должен посвятить всего себя творческому труду, тогда могущество его мысли проникает в далекие земли, преодолевая любые расстояния. "Те, кто трудится с Шамбалой, — продолжает он, — посвященные и вестники Шамбалы, не сидят в уединении, но путешествуют повсюду... Иногда они кажутся богатыми, хотя не имеют никакой собственности. Все — для них, но они не берут для себя ничего. Поэтому, если ты посвящаешь себя Шамбале, все отбирается и все дается тебе. Если ты пожалеешь, то потеряешь; отдаешь с радостью, обогатишься"¹³². "Вы, жители Запада, — говорит Лама, — мечтаете достичь Эвереста в своих тяжелых ботинках, но мы поднимаемся на те же высоты и даже на более высокие вершины без всякого труда. Необходимо только думать, изучать, понимать и знать, как охватить сознанием весь опыт тонкого тела... Вы, на Западе, с помощью своих ограниченных аппаратов можете слышать звуки на большом расстоянии, вы можете даже ловить космические звуки. Но задолго до этого Миларепа, без всякого аппарата, мог слышать высшие голоса"¹³³. Многие Учения Калачакры (*учение о гармонии внешнего и внутреннего*), отмечает Н. Рерих, "бессознательно используются Западом и Востоком, но даже при таком бессознательном использовании они дают чудесные результаты. Становится понятным, как возросли бы наши возможности при сознательном следовании этим Учениям, как мудро можно было бы пользоваться великой, вечной энергией, этой тонкой невесомой материей, рассеянной повсюду и в каждый момент доступной нам"¹³⁴.

В картине Н. Рериха «На вершинах» на ледяной площадке высокой горы сидит голый человек в состоянии «самадхи», то есть полной отрешенности от себя и окружающего мира. Чувствуется, что ветры и морозы не причиняют ему ни малейшего беспокойства. Его тело багрово-красное, словно он только что вышел из бани; даже снег под ним слегка подтаял. "Я полагал, — пишет В. Сидоров, — что это плод творческого воображения художника". Оказыва-

ется, написано с натуры. "Таких примеров демонстрации фантастической мощи, скрытой в человеческом организме... известно немало. Никакого противоречия с законами природы (лишь малую часть которых на сегодняшний день нам удалось постичь) здесь, конечно, нет. Если беспределен Макрокосмос, то и Микрокосмос, каковым является человек, тоже беспределен, а значит, и возможности человека практически ничем не ограничены. Внутреннюю силу, находящуюся в человеке в связанном состоянии, в разные времена называли по-разному. В древнеиндийских рукописях она фигурировала под именем «Кундалини», в современных источниках ее окрестили «психической энергией». Но как бы ее ни называли, это — энергия, которая доказывает беспредельность и неисчерпаемость феномена, имя которому — человек. Научное исследование этой свернувшейся в клубок силы, по существу, только-только начинается. Здесь приходится идти на ощупь, по большей части без ясно различимых и привычных ориентиров"¹³⁵.

Третье. Необходимым моментом становления общества будущего является, согласно Марксу, преодоление отчуждения труда. Уничтожение отчуждения он связывает с преодолением разделения труда, товарного производства и установлением контроля индивидов над их общественным развитием. Повышение производительности за счет специализированных видов знания, приспособленных для решения узкопрофессиональных задач, является необходимым следствием тех перемен, которые наука вносит в условия труда. Однако такое соединение еще не освобождает работника от подчинения существующему общественному разделению труда и, следовательно, от ограничения его деятельности рамками определенной профессии. Данная ограниченность может быть преодолена лишь в такой деятельности, объектом которой становится весь природный и общественный процесс, а человек — ее всеобщим субъектом. Положение об окончательном уничтожении отчуждения труда формулируется Марксом в виде требования уничтожить труд. "*Политическая экономия*, — писал он — *замалчивает отчуждение в самом су-*

*ществе труда тем, что она не подвергает рассмотрению непосредственное отношение между рабочим (трудом) и производимым им продуктом"*¹³⁶.

Рассматривая исторический процесс, как развитие индивида и выделяя в нем основные ступени и основные формы общественных отношений, Маркс дает принципиальное решение вопроса о связи проблемы отчуждения с проблемой развития личности, показывает принципиальный путь решения проблемы отчуждения, связанной с вопросом развития личности до степени ее независимости от вещной формы богатства.

К особенным и характерным признакам общества будущего можно отнести следующее: постепенное уменьшение количества общественного труда, направленного на воспроизводство условий материальной жизни, вещных потребностей людей, и увеличение количества общественного труда, направленного на преобразование всего того, что создает условия для развития творческих дарований человека. Поэтому вектор его творческой активности (в сравнении с предыдущими способами производства) должен изменить свою направленность: от направленности «вовне» (направленности во внешнюю природу), на направленность «вовнутрь» (на познание самого себя).

Одной из важных сторон мировоззренческого ориентира является проблема перехода к новому состоянию. Из множества возможных путей эволюции предметом обсуждения могут являться лишь следующие два сценария движений. Сознательное обеспечение будущности или путем значительных изменений под давлением необходимости. Контурсы первого варианта развития в установлении мирового порядка, отмечают ученые, пока вырисовываются в весьма абстрактной форме. Дело в том, что целенаправленный процесс эволюции человечества предполагает непосредственное участие «Коллективного Разума». Но "поскольку носителем Разума является человек со всем многообразием его желаний, стремлений и представлением о Добре и Зле, то перед человечеством, — замечает Н. Моисеев, — неизбежно возникают сложнейшие вопросы как методологического, так и практического характера о том, как воспользоваться открывающимися возможностями... О со-

гласовании этих разнородных представлений о Добре и Зле, о том, к чему следует стремиться"¹³⁷. Именно эти проблемы и делают первый сценарий бесперспективным.

Напомним, что Маркс и Энгельс считали, что переход к социализму возможен лишь одновременно во всех развитых странах. Этот вывод они сделали на основе понимания того, что крупная промышленность создала мировой рынок, связала между собой все народы земного шара, где каждый из них зависит от того, что происходит у другого. При этом основным содержанием социалистической революции (*необходимым условием ее победы*) является установление диктатуры, функция которой состоит в использовании власти пролетариатом для подавления сопротивления (*используется для сплочения вокруг пролетариата широких масс трудящихся с целью вовлечения их в социалистическое строительство*). "То, что я сделал нового, — писал Маркс, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов"¹³⁸.

"...Ни французам, ни немцам, ни англичанам, никому из них в отдельности, — указывал Маркс, — не будет принадлежать слава уничтожения капитализма ...Освобождение пролетариата может быть только международным делом"¹³⁹. Как представляется, такое возможно только под действием всеобщей необходимости, какой может быть только всеобщий природный фактор. У человечества существует единственная возможность в преодолении кризиса цивилизации, которая заключается в преодолении самого себя, своей собственной природы. Мы можем лишь предполагать, как все случится в деталях. Продвижение к царству свободы будет "в действительности весьма трудным и длительным процессом", однако пунктир перехода от предыстории к подлинной истории достаточно видимый: внешние природные условия станут таковыми, что без коренных изменений основ жизнедеятельности,

своего внутреннего состояния, активизации неограниченных интеллектуальных сил и внутренних резервов человек просто не выживет. Но чтобы воплотить все эти перемены в жизнь, нужна диктатура. С одной стороны — диктатура природы, с другой — диктатура осознавших действительность трудящихся масс (*диктатура Разума*). Причина здесь в том, что человечество без этой необходимости не сможет укротить и изменить себя (*свой уровень взаимодействия с природой*), обмен (*как форма истинно человеческих отношений*) не сможет победить распределение, а индивидуальная собственность — частную ("частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов"¹⁴⁰). По мнению многих ученых, человек будущего — это человек естественных потребностей и естественного образа жизни, высоких духовных сил и интеллектуальных возможностей, благодаря которым он будет «уметь делать все» — пользоваться великой и вечной энергией, рассеянной повсюду, подыматься на самые высокие вершины без всякого труда, присваивать вещество природы не опосредованно искусственно созданными орудиями.

Исходя из всего, что было сказано выше, можно заключить следующее. Во-первых, социализм — это не благостное состояние (*как представляют его себе многие обществоведы*), а будет являть собой самый трудный и революционный период в истории всего человечества. Во-вторых, под давлением внешних (*природных*) условий человек будет вынужден сознательным образом изменить свою собственную природу, направив вектор своей творческой активности «вовнутрь», на познание своих сущностных сил, а не на внешнюю природу. И, в-третьих, основным законом социализма будет являться переход от преимущественно предметной деятельности и изменения внешних обстоятельств к нацеленности на самосовершенствование.

Теоретическая мысль всегда играла заметную роль, связанную с многовековым опытом критически-рефлексивного размышления над глубинными ценностями и жизненными ориентирами. Философы во все времена и эпохи

брали на себя функцию прояснения проблемы бытия человека, каждый раз заново ставя вопрос о том, что такое человек. Все лучшие умы решают сегодня глобальную задачу — отстаивание стратегии человечества на XXI век. Ее еще нет. Она только в наметках, и полем открытых возможностей предстает вся глобальная ситуация.

-
- ¹ Давидович В.Е. Проблемы и перспективы современной цивилизации. Ростов н/Д., 1995. С. 556–557.
- ² Давидович В.Е. Проблемы и перспективы современной цивилизации. Ростов н/Д., 1995. С. 550–551.
- ³ Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 146.
- ⁴ Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 143.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.24. С. 573.
- ⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С. 187.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. I. С. 101.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.24. С. 153, 275, 402.
- ⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С. 65, 66.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 728.
- ¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 305.
- ¹² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.VIII. С. 10.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 306.
- ¹⁴ Возникновение и эволюция взглядов на тему социализма обстоятельно изложены в работе Н. Кареева «Социализм» // Энциклопедический Словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И.А. СПб. 1890-1907.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 290–291.
- ¹⁶ Курашов В.И. Экология и эсхатология // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 31.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С. 6.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С. 396.
- ¹⁹ Сошлемся на анализ его работ, проведенный А. Кузнецовой [см.: Кузнецова А.П. Социальные отношения производства. М., 1990. С. 15-27].
- ²⁰ См., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.47. С. 14, 15, 16, 35, 37, 125.
- ²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.85; Т.49. С. 215.
- ²² Кузнецова А.П. Социальные отношения производства. М., 1990. С. 25.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.47. С. 122.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 282.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. I. С. 274.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч. I. С. 274.
- ²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 291.
- ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 20.
- ²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С. 193.
- ³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.6. С. 232.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 206.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 115.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 92.
- ³⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. Р., 1969. С. 259.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39. С. 352.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 34.
- ³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.4. С. 184.
- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С. 394.

-
- ³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 19.
- ⁴⁰ Петти У. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 55.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.47. С. 498.
- ⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.47. С. 553.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.24. С. 399.
- ⁴⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 386.
- ⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39. С. 56.
- ⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 19.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 126.
- ⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 92.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 521.
- ⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.II. С. 213.
- ⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 110.
- ⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.16. С. 26.
- ⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 404.
- ⁵⁴ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 390.
- ⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 35.
- ⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 33.
- ⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 101.
- ⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 152.
- ⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 100–101.
- ⁶⁰ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 391.
- ⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С. 497.
- ⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.II. С. 450.
- ⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 36.
- ⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С. 456.
- ⁶⁵ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 391.
- ⁶⁶ См., например, *Илюшечкин В.П.* Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970; *Илюшечкин В.П.* Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986; *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990; а также *Медведев Е.М.* Генезис феодальной формации в Индии. М., 1973; *Шевченко В.Н.* К характеристике диалектики общественного развития // *Философские науки.* 1978. №4 и др.
- ⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 162.
- ⁶⁸ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 391–392.
- ⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 425.
- ⁷⁰ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 391.
- ⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 403.
- ⁷² См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2009.
- ⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 387.
- ⁷⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 392.
- ⁷⁵ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 391.
- ⁷⁶ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 392.
- ⁷⁷ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 392.
- ⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 116.
- ⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.36. С. 9.
- ⁸⁰ Цит. по: *М. Можейко.* Новейший философский словарь. 2001. С. 911–912.
- ⁸¹ *Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 116.
- ⁸² *Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 58.

-
- ⁸³ Семенов Ю.И. *Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции*. М., 1999. С. 109.
- ⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С. 384.
- ⁸⁵ Ясперс К. *Современная техника // Новая технократическая волна на Западе*. М., 1986. С. 145.
- ⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.35. С. 234.
- ⁸⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С. 98; Т3. С.20-23; Т.13. С.7; Т.23. С.229; Т.24. С43-44.
- ⁸⁸ Семенов Ю.И. *Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции*. М., 1999. С. 238.
- ⁸⁹ Семенов Ю.И. *Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции*. М., 1999. С. 273.
- ⁹⁰ См.: Семенов Ю.И. *Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции*. М., 1999. С. 276-277.
- ⁹¹ Стенографический отчет о заседании Государственной думы IV созыва от 19 июля 1915 г. Пг. 1915, стр. 15.
- ⁹² См.: http://www.telenir.net/istorija/istorija_rossii_hh_nachala_xxi_veka/p1.php — История России XX — начала XXI века. А также: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 133.
- ⁹³ См.: http://www.telenir.net/istorija/istorija_rossii_hh_nachala_xxi_veka/p1.php — История России XX — начала XXI века.
- ⁹⁴ Верт Н. *История советского государства. 1900–1991*. М., 1992. С. 13.
- ⁹⁵ См.: Галкин А. *Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист*. 1990. №18. С. 26, 27.
- ⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 770.
- ⁹⁷ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 217.
- ⁹⁸ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 244–245.
- ⁹⁹ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 255–256.
- ¹⁰⁰ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 308–318.
- ¹⁰¹ Верт А. *Россия в войне 1941–1945*. М., 1967. С. 144.
- ¹⁰² См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 360, 370.
- ¹⁰³ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 382, 433.
- ¹⁰⁴ См.: http://www.great-country.ru/content/sssр/sssр_5_bse_1.php (БСЭ).
- ¹⁰⁵ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 449,453.
- ¹⁰⁶ См.: Краткая история СССР. Ч.II. М., 1978. С. 461.
- ¹⁰⁷ См.: БСЭ [http://www.great-country.ru/content/sssр/sssр_5_bse_1.php].
- ¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 270,273.
- ¹⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С. 94–95.
- ¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 273.
- ¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 290.
- ¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 27.
- ¹¹³ Сталин И.В. *О задачах хозяйственников*. Соч. Т.13. С. 39.
- ¹¹⁴ Игумен Вениамин (Новик). *Актуальные проблемы российского православного церковного сознания // Вопросы философии*. 1999. №2. С. 136.
- ¹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 441.
- ¹¹⁶ См.: http://studopedia.ru/1_46080_III-problema-budushchego.html.
- ¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.38. С. 108.
- ¹¹⁸ Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. М., 2001. С. 172.
- ¹¹⁹ Вернадский В.И. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. М., 1965. С. 327.
- ¹²⁰ См.: Вернадский В.И. *Дневник 1938 года // Дружба народов*. 1991. №2,3.
- ¹²¹ Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1990. С. 9–10.

-
- ¹²² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.42. С. 116.
- ¹²³ См.: *Соловьев Вл.С.* Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. №8.
- ¹²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.II. С. 386–387.
- ¹²⁵ *Александров В.И.* О соотношении философии и метафизики // *Философские исследования.* 2002. №3-4. С. 254.
- ¹²⁶ *Шаталова Г.С.* Целебное питание на основе энергетической целесообразности. М. 1996. С. 7.
- ¹²⁷ *Шаталова Г.С.* Целебное питание на основе энергетической целесообразности. М. 1996. С. 8.
- ¹²⁸ См.: *Шаталова Г.* Целебное питание на основе энергетической целесообразности. М., 1996.
- ¹²⁹ *Шаталова Г.* Целебное питание на основе энергетической целесообразности. М., 1996. С. 33.
- ¹³⁰ См.: *Вернадский В. И* Автотрофность человечества // *Биогеохимические очерки.* М., 1940.
- ¹³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.46. Ч.I. С. 476.
- ¹³² *Рерих Н.К.* Шамбала Сияющая. 1985. С. 12.
- ¹³³ *Рерих Н.К.* Шамбала Сияющая. 1985. С. 9.
- ¹³⁴ См.: *Рерих Н.К.* Шамбала Сияющая. 1985. С.11.
- ¹³⁵ *Сидоров В.М.* Семь дней в Гималаях: Документальная повесть. М., 1986. С. 11.
- ¹³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.42. С. 90.
- ¹³⁷ *Моисеев Н.Н.* Мир XXI века и христианская традиция // *Вопросы философии.* 1993. №8. С. 12.
- ¹³⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.28. С. 427.
- ¹³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.39. С. 76.
- ¹⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.3. С. 441.